

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ЗВЕНИГОРОДЪ
ОКЛИКАННЫЙ

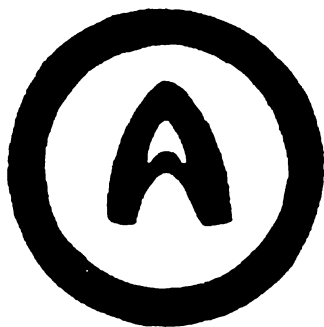
НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ЗВЕНИГОРОДЪ ОКЛИКАННЫЙ

НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ

АЛАТАСЪ

НЬЮ-ІОРКЪ-ПАРИЖЪ

РИГА-ХАРБИНЪ

1924

Посвящаю

С. П. Ремизовой-Довгелло

НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ

ТЕПЛАЯ ПЛАМЕНЬ

По какимъ путямъ или которой рѣкѣ пришелъ на Русь Никола Угодникъ?

Или кто принялъ это первое имя — завѣтное русской вѣры?

И почему на русской землѣ это имя стало первымъ — именемъ русской вѣры —

русскимъ Богомъ?

Великимъ ли путемъ изъ Варягъ въ Греки, или Каспійскими воротами — путемъ народовъ Востока, или Желѣзными — угрской дорогой съ закамскимъ серебромъ и алтайскими звѣздами?

Русскій народъ сказкой сказалъ о Николѣ:

свою вѣру,
свои чаянія,
свою правду.

Мудрый раздѣлитель доли, заступникъ даже передъ неумолимой Судиной, помощникъ въ бѣдѣ — вѣдь, не всякій можетъ вынести свою долю! — и въ трудахъ: вѣдь, не всякій можетъ поднять назначенное судьбой!

И самое сокровенное: судія — вѣдь, не только жить на этомъ свѣтѣ или, тотъ, кто живетъ, не отживаетъ ли свою первую жизнь, такъ вѣдь?

И самое тайное: очиститель огнемъ.

И не даромъ два большихъ праздника празднуютъ Николѣ: Никола-вешній послѣ бурной громкой весны — а весна громка только въ Россіи! — въ весеннее воскресеніе въ началѣ мая;

и Никола-зимній (Никольщина) — въ лютой бѣлой декабрь
въ короткіе дни чудесныхъ сновъ.

Русскій народъ въ сказкѣ сказалъ Николино слово —
свою русскую вѣру.

Кто не услышитъ сокровеннаго слова о судѣ, судьбѣ и
долѣ, тотъ и по складу сказки приметъ отъ слова теплую
пламень и осіяетъ сердцемъ.

И не злоба человѣка къ человѣку, радость затеплится
въ сердцѣ — жить на землѣ человѣкомъ.

12.3.1924

Paris-Auteuil.

— *А що буде, якъ Богъ помре?*

— *А Микола святой на що?*

У всякой бабы свой сказь про Николу.

НИКОЛА УГОДНИКЪ.

Чудна нѣкая вещь:

явился Николѣ верхомъ на конѣ съ серпами въ
рукахъ ангель Господень.

«Время жатвы пришло, пробудись, стань и иди
на свою землю!».

*

Въ страхѣ проснулся Никола, поклонился гробу Го-
сподню, гдѣ неустанно молился за родъ христіанскій, и, по
морю ходящій, яко по суху, отошелъ на Русскую землю.

Не узналъ Никола свою Русскую землю.

Вырублена, выжжена, развоевана, стоитъ она пуста-
пустехонька и лишь вѣтры вѣютъ по глухимъ степямъ —
и не найти на ней правды.

Уязвился сердцемъ Святитель, поднялъ посохъ и, скорый
на помощь, пошелъ по Руси.

Шелъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, съ
Волги-рѣки на Москва-рѣку, съ Днѣпра на Поморье —
заушалъ нечестивцевъ аріевъ — незаконныхъ
правителей, забывшихъ слово Божіе,
караль лежебокъ-тунеядцевъ и расточителей, не
радѣющихъ о своей родинѣ,
освобождалъ невинно-заключенныхъ въ темницы,
останавливалъ мечъ, занесенный надъ головою
напрасно осужденныхъ на казнь,

воскресилъ двухъ разрубленныхъ отроковъ,
одарилъ нищихъ-дѣтей погремушками,
обошелъ полевья межи,
вывелъ къ солнцу буйное жито,
поправилъ яровые зеленые всходы,
покрылъ травой обогрѣтую землю;
и гдѣ вымокло, тамъ подсушить,
и гдѣ высохло, тамъ дождемъ польеть;
надоѣло конямъ стоять во дворѣ — выгнать въ
поле, въ ночное —' города городьбу!

А осень настала, загналъ Угодникъ съ поля коней и по-
шелъ подъ дождемъ по труднымъ дорогамъ:

тамъ телѣга увязнетъ,
тамъ лошадь не вытащишь, —
на все надо помощь!

Безъ него, какъ безъ рукъ — не поднять мужику полевья
работы.

Все, что сиро и слѣпо, одному ему видно.

Попроси — выручить, все скажетъ Спасу, самого Илью
умилостивить:

не поляжетъ отъ града рожь на земь —
живи, не тужи!

Въ лапоткахъ, сѣденькій, съ посохомъ ходилъ такъ Угод-
никъ по Русской землѣ съ вешняго Никола всю весну, лѣто и
осень до самой Никольщины.

*

Отстоялъ Никола вечерню у Печерской въ Кіевѣ. Второй
звонъ звонять — пришелъ къ Софіи въ Новгородъ. Третій
звонъ звонять — идетъ въ Питерь къ Казанской. А къ вели-
кому славословію въ Успенскій на Москву поспѣлъ.

И, поднявъ со всѣхъ вѣтровъ густой большой иней, се-
ребромъ покрылъ отъ края до края всю Русскую землю и
благословилъ ее —

свою горькую,
свою голодную,
свою безшабашную,
свою пьяную,

чтобы сумѣла она мудро устроиться, не грѣшила бѣ ротозѣйствомъ, самомнѣніемъ, глупостью, не выставляла бѣ себя на посмѣшище, не попрекали бѣ ее въ лѣности.

И, трижды благословивъ ее великимъ благословеніемъ, пошелъ помаленьку вверхъ по облакамъ на небеса къ райскимъ вратамъ справлять Никольщину.

*

Передъ вратами рая, подъ райскимъ деревомъ за золотымъ столомъ сидѣли угодники Божьи.

Всѣ святые собрались на Никольщину:

Петръ-полукормъ,
Афанасій-ломонось,
Тимоеей-полузимникъ,
Аксинья-полухлѣбница,
Власій — сшиби-рогъ-съ-зимы,
Василій-капельникъ,
Евдокія-плющица и Герасимъ-грачевникъ,
Алексѣй-съ-горъ-вода,
Дарья-загрязни-проруби,
Федуль-губы-надуль,
Родіонъ-ледоломъ,
Руфа — земля-рухнетъ,
Антипъ-водополь,
Василій-выверни-оглобли и Егоръ-скотопась,
Степанъ-ранопашецъ,
Ярема-запрягальникъ,
Борись и Глѣбъ — барышь-хлѣбъ,
Ирина-разсадница,
Іовъ-горошникъ,

Мокій-мокрый и Лукерья-комарница,
Сидоръ-сивирянинъ и Алена-льносѣйка,
Леонтій-огуречникъ,
Федосья-колосяница,
Еремей-распрягальникъ,
Петръ-поворотъ,
Акулина-гречушница — задери-хвосты,
Иванъ-купаль,
Аграфена-купальница,
Пудъ и Трифонъ — безсонники,
Пантелеймонъ-паликопъ,
Евдокія-малинуха,
Наталья-овсянница,
Анна-скирдница и Семень-лѣтопроводецъ,
Никита-рѣпорѣзь,
Фекла-заревница,
Пятница-Параскева,
Кузьма-Демьянъ съ гвоздемъ,
Матрена — зимняя,
Федоръ-студить,
Спиридонъ-поворотъ,
три отрока,
сорокъ мучениковъ,
Иванъ-Поститель,
Илья Пророкъ,
Михайло Архангель

да милостивая жена Аллилуева, милосердая.

Одного только не было — самого Никола Угодника.

И не разъ посылалъ Илья отроковицу Милостыню —
и возвращалась отроковица одна.

Въ девятомъ часу явился Никола.

Въ лапоткахъ, сѣденькій, съ посохомъ пришелъ Никола
къ райскимъ вратамъ — райское платье его поиздергалось,
заплата-на-заплаткѣ, дырявое.

— Что, Никола, что запоздалъ такъ? — спросилъ Илья,

— или и для праздника переправляешь души человеческія съ земли въ рай?

— Все съ своими мучился, — отвѣчалъ Никола, присаживаясь къ святымъ за веселый золотой столъ, — пропащій народъ: воръ на воръ, разбойникъ на разбойникъ, грабятъ, жгутъ, убиваютъ, братъ на брата, сынъ на отца, отецъ на сына! Да и всѣ хороши — другъ дружку поѣдомъ ѣдятъ.

— Я громъ-молнію нашла, попалю, выжгу землю! — воскликнулъ громовный Илья.

— Я росы имъ не дамъ! — поднялся Егорій.

— А я моръ пушу, чуму — изомрутъ, какъ псы! — крикнулъ Касьянъ; извѣстно, Касьянъ вгорячахъ Златоусту усы спалилъ!

— Велѣлъ мнѣ ангель Господень истребить весь русскій народъ-... да простилъ я имъ, — отвѣчалъ нашъ Никола милостивый: — больно ужъ мучаются.

И, возставъ, поднялъ чашу во славу Бога Христа,
создавшего небо и землю, море и рѣки,
и китовъ, и всѣхъ птицъ,
и человѣка по образу своему и по подобію.

И вдругъ чаша выпала изъ рукъ —

Чаша упала на столъ — не разбилась:

а какъ была, осталась съ краями полна.

Притихнули угодники — всѣ святые — весь райскій пиръ.

— — спить Угодникъ — закрыты глаза — —

Разъ окликнулъ Илья —

не слышитъ Никола.

И въ другой окликнулъ —

не просыпается.

Кричитъ Илья въ третій разъ —

и поднялъ Никола голову.

Стали тутъ святыя пытатъ у Николы.

Сталь Угодникъ святымъ разсказывать:

— Пустился по Студеному морю съ хлѣбомъ корабль, плыли на томъ кораблѣ триста старцевъ соловецкихъ, везли старцы воскъ и медь, спѣшили на Никольщину въ Миры Ликійскія. И застигла буря корабль. Ударили волны — вспелешилось море. Шипѣло. Бурная, надъ вѣтромъ и волнами, угрожала Велеша, требовала жертвы. Скача на бѣломъ хрустально-ногомъ конѣ, рѣзала море, разрывала когтями корабль. Въ твердой вѣрѣ и крѣпко надѣясь, въ голосъ крикнули старцы: «Помилуй насъ, Боже и святой Никола, гдѣ бы ты ни былъ, явись къ намъ!». Тогда нашла на меня Божья воля, подняло меня Святымъ Духомъ, я пошелъ къ нимъ на море и избавилъ ихъ изъ глуби морской. Велеша угомонилась. И спокойно плывутъ корабли. Вотъ почему задремаль я — и выронилъ чашу.

— Помилуй насъ, Боже и святой Никола, гдѣ бы ты ни былъ, явись къ намъ! — воскликнули святыя.

Пили святыя питіе новое райское, ѣли высокій пирогъ съ кашей, съ горохомъ, съ капустой.

И пироваль съ ними Никола — сильный Богомъ, всѣмъ святымъ помощникъ — рѣдкій ихъ гость, нищелюбець, страннопріимецъ, вѣчный странникъ, вѣчный труженникъ, чудотворецъ — заступникъ за Русскую землю.

Помилуй насъ, Боже и святой Никола,
гдѣ бы ты ни былъ, явись къ намъ!

НИКОЛИНЪ ЗАВѢТЬ.

За Онегой — гремучимъ моремъ жилъ одинъ богатый мужикъ сильный, да своихъ не трогаль и отъ народа честь ему шла, Филиппомъ звали.

Была у него семья большая — и всѣхъ сыновей на войну погнали воевать, и остался онъ со старухой, да невѣстки съ ними.

И случилось на Николу, лежитъ Филиппъ ночью, раздумываетъ —

и праздникъ пришелъ, престоль въ ихъ селѣ, а отъ сыновей ни слуху!

И стало ему смутно, не до сна, и жалко.

И слышитъ —

среди нѣчи звонъ.

Прислушался —

или вѣтеръ?

Нѣтъ, звонили въ колоколь.

Всталъ Филиппъ и пошелъ изъ двора, разбудилъ стариковъ.

— Слышали, — говорить, — что?

— Да, — говорить, — въ колоколь ударили.

Пошли въ церковь.

А ночь была крѣпкая, да такая свѣтлая —

звѣзды, какъ птицы, плыли изъ конца въ конецъ,
бѣлая надъ бѣлой землей.

Подошли къ колокольнѣ.

Смотрять —

на колокольнѣ нѣтъ никого,
а звонить —

Разъ пять ударило въ колоколь.

Вызвался Филиппъ: дай самому развѣдать.

Поднялся на колокольню и видитъ —

стоитъ подъ колоколомъ старичокъ, такъ нищій
старикъ, ни руками, ни ногами не двигаетъ —

А колоколь звонить.

— Ты кто? — спрашиваетъ нищій старикъ.

— Я Филиппъ съ Николиной тропы, а ты кто?

А старикъ только смотритъ, да добро такъ, милоство:

«Филиппушко, моль, аль не признаешь?».

У Филиппа духъ захватило —

сложилъ Филиппъ руки крестомъ.

— Прости, — говоритъ, — ты меня, Никола — угодникъ
Божій... и зачѣмъ ты звонишь ночью?

— А звоню я, — говоритъ угодникъ, да сталъ такой
грозный, — я звоню, потому что крещенные грѣшатъ, часа
не помнятъ, землю свою забываютъ. За землю всякому по-
страдать надо. А имъ бы только чаю, кофею попить. Ступай
и скажи, пусть всѣ знаютъ, а не то я на нихъ наказаніе пошлю.

— Не повѣрять, коли словами скажу, — сказалъ Фи-
липпъ.

Онъ стоялъ передъ Угодникомъ —

руки крестомъ сложены.

— Повѣрять! — сказалъ Угодникъ Божій.

И благословилъ милостивый Никола — итти Филиппу
къ народу по землѣ родимой:

— За землю всякому пострадать надо.

Филиппъ хотѣлъ протянуть руку —

а рукъ не разжать.

Крестомъ сложены руки — такъ сошелъ съ колокольни.

И рассказалъ, что видѣлъ и слышалъ и что съ нимъ стало —
крестомъ сложены руки.

А на утро, по обѣднѣ, Филиппъ простился съ домою, со старухой. Всѣмъ міромъ проводили Филиппа.

И пошелъ онъ изъ родного погоста мимо избъ осиротѣлыхъ по дальнимъ страднымъ дорогамъ, укрѣпляя народную думу, силу и вѣру —

пострадать за родимую землю.

НИКОЛИНЪ ДАРЪ

Жиль одинъ бѣднякъ, Иваномъ звали.

Не велико у него было хозяйство — земли немного; и жизнь нелегкая — одинъ, какъ перстъ, безъ семьи остался. Да не возропталъ — принялъ Божье, и все, бывало, пѣсни поеть, такой ужъ.

Разъ пашеть Иванъ поле — пшеницу сѣть.

Разсѣялъ, пашеть, за собой борону возить, самъ пѣсни поеть — и уперся концомъ въ дорогу.

А по дорогѣ два путника:

сѣденькій одинъ съ посохомъ,
другой не старъ, не младъ, грозный.

Илья говоритъ Николѣ:

— Что это, Никола, человекъ-то больно веселый, поеть?

— Да, видно, кони у него, слава Богу, ходять, нужды не знаетъ, вотъ и поеть.

Поровнялись путники.

— Богъ помощь тебѣ, Иванушка! — сказалъ Никола.

— Добро пожаловать, старички любезные! — снялъ Иванъ шапку.

А Илья и говоритъ:

— Что больно весель?

— Что мнѣ не веселиться! Лошадки ходять ничего — а мнѣ больше ничего не надо, только бы батюшка Никола — угодникъ пшенички зародилъ.

Пошли странники своею дорогой.

Шли, святые, по полямъ, по раздолью весеннему.

Говорить Илья Николѣ:

— Что этотъ сказаль? Развѣ пшеницу ты родишь? Вѣдь, не ты? Эту я премудрость творю.

— Какъ его судить, — заступился Никола, — человекъ простой: гдѣ ему знать про такое!

— Ну, ладно жъ, я ему урожу пшеницу, по колѣно будетъ — и градомъ прибью!

*

И уродилъ грозный Илья великій такую пшеницу:

посмотришь, душа не нарадуется.

«Вотъ урожай! Вотъ Богъ счастье послаль, Никола угодникъ помиловаль. Хлѣба-то будетъ, дѣвать некуда».

*

Вечеромъ вышелъ Иванъ, сталъ за околицей, пѣсни поеть.

И видить:

по весеннему полю идетъ старичокъ сѣденькій съ посохомъ.

— Добро жаловать, дѣдушка.

Жаль Николѣ бѣднягу:

все вѣдь прахомъ поидеть!

— Слушай, Иванушка, ты пшеницу продай.

— Какъ же такъ, — оторопѣлъ Иванъ, — такую хорошую! Да и что за такую просить?

— Проси, сколько хочешь, все дадутъ. Смотри же, продай!

И пошелъ.

*

Иванъ послушалъ и продалъ пшеницу:

сладилъ ее богатый сосѣдъ за сто рублей.

И, не кончился день, какъ взмыло тучу большую: какъ ударить, съ громомъ прошла гроза — градомъ побило пшеницу —

какъ ножомъ, весь хлѣбъ срѣзало.

По разоренному полю идетъ Никола.

А навстрѣчу Илья.

— Посмотри, что я сказалъ, то и сдѣлалъ: вотъ оно — поле Иваново!

— Нѣтъ, не Иваново, — сказалъ Никола, — пшеницу онъ продалъ, это поле Гундяево. Праваго ты разорилъ, то-то, чай, плачетъ.

— Ну, такъ поправлю я ниву, — поправилъ Илья, — онъ отъ этой громобойной пшеницы двадцать сотъ нажнетъ съ десятины.

*

Къ ночи приходитъ Никола подъ окно къ Ивану:

жалко ему бѣднягу, не къ рукамъ добро достанется.

А Иванъ Угоднику молится, что того старичка надоумилъ такой совѣтъ подать. И какъ увидѣлъ, обрадовался:

просить на ночлегъ остаться.

Нѣтъ, Николѣ не время — путь ему дальній.

— Купи назадъ пшеницу-то.

— Да, вѣдь, она, дѣдушка, больно побита.

— Ничего, купи. Скажи, что на кормъ скосить годится.

Въ убыткѣ не будешь.

Поблагодарилъ Иванъ старичка и чуть свѣтъ къ сосѣду — откупать пшеницу.

А тотъ несчастный радъ-радехонекъ — бери хоть даромъ! — да за полцѣны и отдалъ.

Отдалъ и прогадалъ.

Откуда что взялось, пшеница пошла и пошла.

И такой уродился хлѣбъ высокій да частый, а колось полный, такъ и гнется, такъ къ землѣ и гнется —
золотая нива, благодать!

И въ страду много Иванъ нажалъ сноповъ и выжалъ всю — двадцать сотъ нажалъ.

*

Въ полѣ встрѣтилъ Никола Илью:
грозный, весело смотреть.

— Вотъ у кого я градомъ убилъ, тому и уродилъ! Онъ ее и выжалъ совсѣмъ.

— Да, тотъ, кто посѣялъ, тотъ и пожалъ. Вѣдь пшеницу-то Иванъ назадъ купилъ.

— Какъ такъ купилъ...

— Такъ и купилъ.

И рассказалъ Ильѣ Никола, какъ богатый сосѣдь Гундяевъ въ несчастѣ за полцѣны Ивану громобойное поле отдалъ.

— Такъ я жъ ему умолоту не дамъ!

И пошелъ — гроза! — какъ гроза.

*

Не оставилъ Никола бѣднягу: въ ночи пришелъ подъ окно.

Куда сонъ, — не знаетъ Иванъ, какъ отблагодарить гостя.

— Молотить будешь, — училъ старичокъ, — сади на оwinъ, да не понемногу, по пяти сноповъ: въ углы по снопу поставь, пятымъ окошко заткни.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Долго Иванъ молотилъ и все обмолотилъ: со снопа по пудовкѣ сошло.

Со снопа по пудовкѣ! — да такого умолоту съ роду не бывало.

По закромамъ, по клѣтямъ, по набитымъ амбарамъ дознался Илья и не дай Богъ! — еще слава Богу, что Никольщина близко.

— Ладно, повезеть на мельницу, я ему примолу не дамъ. И не даль.

Повезъ Иванъ на мельницу три пудовки молоть, смололъ — а осталось двѣ. Куда третья? —

а не знаетъ, что Илья взялъ!

Раздумываль бѣдняга — и придумать ничего не могъ.

*

Въ ночи старичокъ лостучалъ подь окномъ.

Обрадовался Иванъ и все ему рассказалъ про напасть.

— Вотъ что, Иванушка, испеки ты изъ этой муки пшеничной два пирога. Да съ молитвой посади! И ступай съ ними къ обѣднѣ: одинъ положи себѣ на голову — то Ильѣ грозному, а другой подь правую пазуху — то Николѣ милостивому.

Вотъ на Николу раннимъ утромъ, когда еще звѣзды не всѣ погаснули, вышелъ Иванъ по морозцу въ церковь къ обѣднѣ.

По дорогѣ странникъ ему навстрѣчу —
не старъ, не младъ, грозный.

— Куда пирожки-то несешь?

— На головѣ — батюшкѣ Ильѣ великому, а подь правой пазухой — Николѣ угоднику! — сказалъ Иванъ.

И какъ услышалъ Илья отвѣтъ мудрый, умирился и пересталъ грозить.

И съ той поры зажилъ Иванъ безъ опаски: двѣ пудовки весь годъ бралъ и не убывало —

Николинъ даръ щедрый.

НИКОЛИНА СУМКА

I.

Шель солдатъ съ войны домой.

Дошелъ до часовни, вспомнилъ — завѣщана у него была Николѣ свѣчка! — поставилъ свѣчку.

И денегъ у него ужъ ни копѣйки.

Идетъ перелѣскомъ, ѣсть захотѣлось сильно, а жилья близъ нѣту. И такъ ему горько:

изойдетъ онъ голодомъ, не дойти и до дому на свою землю!

И вдругъ ѣдетъ конь вороной, на конѣ дѣтина: ѣсть пирогъ съ яицами, съ говядиной —

пирогъ теплый, только парокъ идетъ.

Поравнялись.

— Дай пирожка закусить! — просить солдатъ.

— Давай три копѣйки, половину отломлю.

— Денегъ у меня нѣту, а солдату не грѣхъ и такъ дать.

А тотъ дернулъ лошадь и поѣхалъ —

самъ подъѣдаетъ пирогъ вкусно.

И пошелъ солдатъ ни съ чѣмъ.

Гдѣ грибокъ сломаетъ, гдѣ корочку сдеретъ, сочку поскоблить руками — такъ и шель.

И вышелъ на дорогу, а отъ сырья все нутро переворачивается.

«Экій безсовѣстный, не далъ мнѣ пирога!» — пенялъ солдатъ.

И такъ ему горько — вотъ упадетъ —
не дойти и до дому на свою землю.

И видитъ, изъ-за кривуля идетъ старичокъ.

Поравнялись.

Поклонился солдатъ старику, старикъ солдату —

И разошлись.

Доходитъ солдатъ до кривуля — лежитъ сумка. Поднялъ сумку:

«Видно, старичокъ потерялъ!»

Да съ сумкой назадъ.

— Сумку потерялъ! — кричить, — сумку потерялъ!

А ужъ старичка не видно нигдѣ.

Ну, не бросать же добро, и взялъ себѣ солдатъ сумку.

Идетъ солдатъ дорогою, въ нутрѣ сверлитъ, ѣсть хочется.

«Что-то въ сумкѣ, дай посмотрю: не хлѣбъ ли?»

Развязалъ сумку —

хлѣба два куска лежать.

Вынулъ хлѣбъ, позаправился.

«Кваску бы испить!»

Пошарилъ въ сумкѣ —

бутылка.

Вынулъ бутылку — квась. Вотъ такъ сумка! Попилъ кваску всласть и весело пошелъ:

теперь-то дойдетъ на свою землю.

2.

Доходитъ солдатъ до усальбы:

поставленъ новый домъ — большое зданіе, а рамы

всѣ переломаны, на крышѣ воронье.

«Какое зданіе, и пустоеть!»

Заглядѣлся солдатъ и въ толкъ не возьметъ.

Постоялъ и пошелъ. Навстрѣчу староста.

— Чей это домъ, дѣдушка?

— Нашего барина домъ.

— Что же въ немъ не живутъ?

— А работали мастера съ бариномъ, самъ баринъ старался и ни вѣсть съ чего полонъ домъ насажали чертей. Оттого и не живутъ.

— А что бы ихъ оттуда спровадить изъ дома?

— Возьмешься, баринъ спасибо скажетъ.

— Попробую. И не такое гоняли.

Староста побѣжалъ къ барину.

— Берется солдатъ вывести чертей изъ дому!

— Слава Богу, коли берется! Возьми его къ себѣ и что ему нужно, то и дай.

Вернулся староста отъ барина и повелъ къ себѣ солдата.

Сѣли обѣдать. И до самага вечера все сидѣли, рассказывалъ староста о домѣ да о чертяхъ домашнихъ.

Надо ужъ солдату итти въ домъ чертей выгонять, а староста и проводить отказывается.

— У насъ, — говорить, — о эту пору не то, что къ дому, а и около никто не ходитъ. Игнашка, внучонокъ, взялся воронье спугнуть — подставилъ лѣстницу, а они его оттуда какъ шуркнуть, что душа вонъ. Игнашка и до сей поры у чертей тамъ.

Ну, что подѣлаешь! Наказалъ солдатъ старостѣ, —

чтобы какъ можно горячѣе кузнецы грѣли горна! а самъ взялъ солому, ключи и для случая топоръ, зажегъ фонарикъ и пошелъ одинъ.

И въ домѣ тамъ отперъ дверь и поднялся по лѣстницѣ.

3.

Ходитъ солдатъ по комнатамъ и все поахиваетъ.

— Проклятая сила, какое зданіе завладѣла!

Вошелъ въ самую заднюю комнату, затворилъ за собою плотно двери, разостлалъ солому, окрестился — сумочку подъ голову, легъ и задремалъ.

*

И слышитъ, по дому пошелъ шумъ, стонъ.

Вотъ какой-то подбѣжалъ къ дверьямъ, кричить:

«Ребята, — кричить, — это кто-то есть!»

И набѣжало много, скребутся.

«Ой, — запишаль одинъ, — солдатишко!»

«Не солдатишко, а солдатъ, Иванъ Силантьевичъ

Тарасовъ, — прикрикнуль солдатъ, — воеваль

за Россію, слышите, черти! Убирайтесь вонъ, пока

цѣлы!»

Отвалились отъ двери и въ домѣ все затихло.

*

И снится солдату —

держитъ онъ бутылку и наливаетъ стаканъ вина
и только сказать «Господи благослови» и пить,

хватъ, а вмѣсто стакана топоръ у него въ ру-
кахъ. И идетъ, въ которомъ полку онъ служилъ,

генераль и съ нимъ мать и отецъ его, старики.

«Ты, Тарасовъ, что жъ это сбѣжалъ?»

Мать и отецъ просятъ:

«Ступай, Ванюшка, послужи!»

«Нѣтъ, ему не жаль васъ, — говоритъ генераль, —
эй, вздуйте ихъ хорошенько!»

И откуда ни взялись три кривыхъ бѣсенка и
ну ломать и рвать стариковъ.

Заплакали старые и опять просятъ:

«Вернись!»

«Да у меня руки нѣтъ и грудь прострѣлена!» —
отвѣчаетъ солдатъ и глазамъ не вѣрить:

рука на мѣстѣ и дышать легко.

А тѣ разсмѣялись и побѣжали прочь.

*

Солдатъ раскрыль глаза:

своды у дома раздвинулись и, какъ паукъ,
спускается на него тотъ самый дѣтина,
что пирога ему не далъ, спускается пау-
комъ, путаетъ — и ужъ дышать стало трудно.

И пало въ умъ солдату: сгребъ онъ сумку да паука и
толкнулъ —

паукъ обернулся кошкой.

Онъ ее за хвостъ да въ сумку.

И съ сумкой бѣжать —

Прибѣжалъ солдатъ въ кузницу, шваркнулъ сумку на
наковальню. А въ горнѣ до того горить, что страсть.

Да какъ лопнулъ — кувалда вылетѣла. Схватилъ другую.
— Аминь! — говорить.

И давай шлеять:

что кокнетъ, то аминь.

Исколотилъ всего чорта, вышелъ изъ кузницы —

вытряхнулъ изъ сумки пепелокъ одинъ только.

— Ну, теперь можешь итти, кузнецъ, спать и я пойду.

И вернулся въ домъ въ самую заднюю комнату и на тѣ
же три обмолотка легъ.

И спалъ до утра — ничего не слышалъ.

*

На утро пришелъ солдатъ къ старостѣ.

— Ступай-ка, дѣдушка, смотри-ка, въ домѣ все излома-
но.

— Мы это знаемъ ужъ.

— Скажи барину, что чертей я выгналъ.

Обрадовался баринъ и сейчасъ же съ солдатомъ въ домъ.

Прошли по всѣмъ комнатамъ, нашли костье Игнашкино, а чертей въ поминѣ нѣтъ — всѣ ушли.

На радостяхъ не хочетъ баринъ отпускать солдата.

— Сколько хочешь, бери, оставайся!

А солдату домой хочется, къ старикамъ, на родную землю.

Даль ему баринъ денегъ, запрягъ тройку — поѣхалъ солдатъ домой на тройкѣ.

И тамъ живетъ хорошо, слава Богу.

НИКОЛИНЪ ОГОНЬ

Ходилъ по Божьему свѣту Никола Угодникъ.

Много прошелъ, весь свѣтъ исходилъ и осталось всего
ничего — три деревни.

Зашелъ онъ въ первую деревушку.

Окружило ребятъе.

— Тальянецъ, — кричать, — пришелъ! На шарманкѣ
заиграеть.

Высочили мужики и бабы, обступили.

— Эй, старичокъ, гдѣ у тебя машина? Камаринскаго намъ
бы сыгралъ, а мы бъ поплясали!—ржутъ, что жеребцы стоялые.

Обидно стало Угоднику, пошелъ онъ въ другую деревню.

А тамъ не слаще:

никуда его не пускаютъ!

А ужъ на дворѣ вечеръ.

Въ одной избѣ боятся:

чертей напустить.

Въ другой:

стянеть.

Въ третьей:

цыганъ переодѣтый.

А въ четвертой —

мужикъ за колья принялся.

Идетъ Никола въ третью деревню.

Идетъ по деревнѣ —

а на него пальцемъ.

А въ одномъ домѣ совсѣмъ пе пустили.

— Крестъ-то на тебѣ есть?

— Есть.

— А ну-ка перекрестись.

Перекрестился.

— А прочитай «Да воскреснетъ Богъ».

Прочиталъ.

— А прочитай «Вѣрую».

Прочиталъ «Вѣрую».

— А «изжени отъ меня всякаго лукаваго» знаешь?

Старичокъ-то и запомятовалъ.

— Нѣтъ, — говоритъ хозяинъ, — вонъ уходи: «Вѣрую» не рѣчисто читалъ и «изжени» совсѣмъ не знаешь. И не проси. Молитвы не твердо знаешь, я такихъ не люблю.

А на дворѣ ужъ ночь — глазъ выколешь.

Вѣтеръ воетъ.

Забрелъ Угодникъ въ послѣднюю избу. Бобыль одинъ жилъ. Покормилъ старичка бобыль, принесъ соломки и шубу даль.

И легли спать.

*

Раннимъ ранешенько поднялся бобыль рожь молотить. Всталъ и Никола, помогать пошелъ бобылю за хлѣбъ, за соль.

Махали, махали цѣпомъ, уморились.

— Вотъ что, добрый человекъ, дѣлай-ка ты по-моему!

Взялъ Никола спичку и поджегъ скирды.

Запылала скирды, горять — бѣлый огонь — а не сгорають:

          соломинка къ соломинкѣ ложится,

          зернышко къ зернышку.

И черезъ какой часъ всѣ скирды сами обмолотились, — зерно чистое, крупное и вѣять не надо.

Распростился съ бобылемъ Угодникъ и отправился въ свою путь-дорожку.

А на завтра рассказалъ бобыль сосѣдямъ о своемъ гостѣ —
о старичкѣ чудномъ,

какъ онъ хлѣбъ молотилъ.

— Попробуемъ и мы такъ помолотить! — рѣшили мужики.

И подожгли скирды —

запылала скирды, а отъ нихъ избы.

И отъ всей деревни остались одни столбы.

НИКОЛИНЪ УМОЛОТЬ

Гнѣвъ Ильинъ или такъ тому отъ Бога быть положено для опаматованія людямъ и разуму, большая была засуха.

И сгорѣла рожь и овсы.

Кто побогаче, возили воду и поливали —

и у тѣхъ на нивѣ еще кое-что уцѣлѣло.

А у бѣдняковъ ничего — чистое поле.

Сидятъ мужики на кулишкахъ, о своей бѣдѣ гуторять.

А шель съ поля старичокъ-странникъ.

Приостановился.

— Что это вы, добрые люди, пригорюнились?

— А видѣлъ, чай, на поляхъ-то что дѣется! Неоткуда намъ и помощи ждать.

Посмотрѣлъ старичокъ, головой покивалъ: пожалѣлъ, видно.

— А давайте, дѣтушки, мнѣ ржи горстку! — сказала старикъ.

А тѣ и не знаютъ, зачѣмъ ему рожь? Ужъ не подшутить ли задумалъ надъ ними старикъ:

народъ-то нынче всякій — и надъ чужой бѣдой посмѣяться радость себѣ найдеть.

А другіе говорятъ:

— Принесите, ржи, можетъ, наговоръ какой сдѣлаеть.

И согласились. Кликнули ребятъ. Полное лукошко принесли.

Взялъ себѣ старичокъ ржи горстку.

— Проведите, — говорить, — меня ко всякому дому: мнѣ
посмотрѣть надобно.

Пошли, повели старика.

И ни одну избу не обошелъ старикъ —

и вездѣ на загнеткахъ у запечья по зерну клалъ.

А къ ночи ушелъ.

Хватились покормить старика, а его ужъ нѣтъ нигдѣ.

Такъ и легли.

Такъ и прошла ночь.

*

А когда на утро проснулись — и проснулась съ ними
горькая дума —

Что за чудеса? — глазамъ не вѣрять:

рожь во всѣ устья вызрѣла

и въ каждомъ домѣ, гдѣ положилъ старикъ зер-
нышко, колось изъ трубы выглядываетъ,

и на божницахъ лампадки горять передъ Николою.

А на поле посмотришь — залюбуешься:

колось къ колосу.

Богъ помиловалъ — уродилъ хлѣбъ. И умолотъ былъ, не
запомнѣть: по полтысячи мѣръ всякій набилъ.

Поминали странника-старичка —

Николу Милостиваго.

НИКОЛИНА ПОРУКА

I.

На яромъ яру высоко жиль-быль богачъ Антипъ.

Скупой и расчетливый, сколачиваль Антипъ деньгу и даромъ, хотъ помирай, не дасть, подъ работу не дасть.

А былъ бѣднякъ Сергѣй, и до того дошелъ голодомъ, хотъ помирай.

Вотъ думаль онъ, думаль, какъ изъ бѣды выкарабкаться, и говорить женѣ:

— Я, Марья, пойду къ Антипу.

— Глупый, да вѣдь онъ же такъ никому не даетъ.

— Дасть. Я придумаль.

И пошелъ.

Пошелъ Сергѣй къ богачу просить денегъ.

— Антипъ, батюшка! Не дай помереть съ голоду.

— Нѣтъ, братъ, я денегъ никому не даю, никогда.

— А ежели я тебѣ приведу поруку?

— А кто такой?

— Никола. Есть у меня, на божницѣ стоитъ образъ, Никола. Онъ за меня и будетъ порукой.

Антипъ погладилъ бороду, прямо-то отказать не смѣеть:

набожный былъ человекъ Антипъ, въ божественномъ твердый.

— Ты ужотко приходи вечеркомъ, я подумаю.

— Хорошо, приду, — согласился Сергѣй.

И пошелъ.

Пошелъ Сергѣй домой:

будуть у нихъ ужотко деньги, поправятся, не помрутъ съ голоду.

— Антипъ-то мнѣ поддался: велѣлъ притти вечеромъ!— думаль Сергѣй жену обрадовать.

— Что же ты сказалъ ему?

— А поручился Николой.

— Ой, что ты надѣлалъ!

— Глупая, кому-кому, а ему все видно: Никола не выдасть.

Вечерь насталь. Снялъ Сергѣй образъ съ божницы.

— Марья, одѣнься потеплѣе да иди за мной, стань тамъ у избы подь окномъ и слушай. И когда услышишь: «Батюшка Никола Чудотворецъ, скажу, поручись за меня!» ты тамъ и отвѣчай толстымъ голосомъ, погромче, «поручаюсь,» моль.

Закуталась Марья въ теплый платокъ, а сама дрожмя дрожить.

— Да ты не бойся! Кому-кому, а ему все видно: Никола не выдасть.

И пошли.

Пошелъ Сергѣй съ образомъ — съ Николою.

За нимъ Марья.

2.

Темно было на улицѣ.

Мело, крутила метель.

Осталась Марья стоять на улицѣ, Сергѣй съ образомъ къ Антипу въ домъ вошелъ.

— До вашей милости.

— Ну, а поруку привель?

Сергѣй поставилъ образъ на божницу.

Туть хозяйка Антипова вошла въ горницу.

Помолился Сергѣй.

— Батюшка Никола Чудотворецъ, поручись за меня!

Поднялся и Антипъ на ноги, глядитъ на икону:
поручится ль Угодникъ?

— Поручаюсь! — услышали голосъ.

Тихимъ голосомъ сказаль тамъ кто-то, а внятно, всѣ его
услышали:

и Сергѣй

и Антипъ

и Антипова хозяйка.

Оробѣль Антипъ.

— Жена, слышала?

— Слышу.

— А много ль тебѣ, Сергѣй, надо?

— Много, — оробѣль и Сергѣй: что-то не узналь онъ
Марьиного голоса, — много: сотню!

— Дай ему двѣ, — сказала хозяйка Антипова.

Антипъ отперъ сундукъ и вынулъ двѣ сотенныхъ.

— Сроку — время на сколько?

— До новаго году, — сказаль Сергѣй.

И съ деньгами вышелъ на улицу.

Темно было на улицѣ.

Мело, крутила метель.

— Пойдемъ домой, Маша! — тихимъ голосомъ сказаль
Сергѣй женѣ.

А Марья дрожьмя дрожить.

На другой же день накупили они всего себѣ — съ день-
гами все можно достать! — и сахару, и муки, и крупъ всякихъ,
и дровъ купили:

то-то огонекъ въ печи заиграетъ весело!

И стали жить да поживать.

3.

Прошло Рождество, подходитъ Новый годъ:

надо долгъ платить, а платить нечѣмъ.

Расчитываль Сергѣй, вотъ поправится, заработаетъ, —

кое-что и выручить, да такую уйму гдѣ-жъ достать:
цѣлыхъ двѣ сотни!

И насталь Новый годъ — не несетъ Сергѣй долгу.

Подождалъ Антипъ день и еще день, досадно ему:

какъ вѣдь повѣрилъ и такой обманъ вышелъ!

На третій день Антипъ взялъ образъ Николы и понесъ на базаръ. И весь день ходилъ по базару — и никто не купилъ образа.

И досадовалъ Антипъ, пенялъ Николѣ:

«Какъ же такъ: лично говорилъ, ручался за бродягу, и такой обманъ!»

И ужъ не надо ему никакихъ денегъ, только бы сердце успокоить:

какъ вѣдь повѣрилъ и такой обманъ вышелъ!

Позднимъ вечеромъ идетъ Антипъ назадъ домой, несетъ икону, себя не помнить.

А навстрѣчу ему старичокъ.

— Ты куда, сынокъ?

— Продаю образъ, — сказала Антипъ, какъ говорилъ весь день.

— А сколько возьмешь?

— Ничего мнѣ не надо.

Старичокъ взялъ икону, вынулъ двѣ сотенныхъ, подаль Антипу.

— Ну, иди съ Богомъ, сынокъ.

*

Пробирался Антипъ по рѣкѣ къ дому — совсѣмъ ужъ темно было — крѣпко держалъ въ кулакѣ деньги.

Запорошило у берега — тонкій ледъ, скользко—поскользнулся Антипъ, присѣлъ —

а подняться не можетъ.

И такъ и сякъ — не можетъ.

И ну кричать.

На крикъ сбѣжались: узнали:

и понесли его на рукахъ домой.

И съ той поры обезножилъ Антипъ, и никакія деньги не подымуть.

Такъ и остался сиднемъ страдать.

НИКОЛИНО СТРЕМЯ

I.

Жиль-быль бѣдный мужичонка, Моргуномъ прозвали.

Бился, старался Моргунъ до кроваваго поту, а ни въ чемъ счастья нѣтъ.

Городить Моргунъ огородъ у дороги, ѣдетъ Никола Угодникъ.

— Богъ помочь, мужичокъ!

— Милости просимъ! Куда ѣдешь, Угодникъ?

— Къ Спасу.

— Милостивый Никола, спроси у Спаса: есть ли мнѣ въ чемъ счастье?

— Хорошо, спрошу.

— Да ты позабудешь.

— Не по-забуду.

А видѣлъ мужичонка:

стремена въ сѣдлѣ у Николы золотыя.

— Милостивый Никола, отвяжи стремяно, да оставь мнѣ! Станешь у Спаса на коня садиться, а стремяна нѣтъ, ты обо мнѣ и вспомнишь.

Послушаль Угодникъ, отвязаль стремя, отдалъ мужичонкѣ — и объ одномъ стремени поѣхаль къ Спасу.

И пріѣхаль Угодникъ къ Спасу и пора ему назадъ возвращаться, — и забыль онъ спросить про счастье-то.

— Спасъ Пречистый, Истинный! Мужичонка Моргунъ мнѣ наказаль про счастье спросить, несчастный: есть ли ему счастье?

- Есть, есть счастье.
- Какое же ему счастье?
- А ему счастье: воровать и божиться.

2.

Городить Моргунъ огородъ у дороги, ждеть Николу:
Никола Угодникъ скажетъ про счастье!

Отощаль совсѣмъ мужичонка.

А Никола Угодникъ и ѣдетъ.

Подъѣхаль къ мужичонкѣ.

— Спросиль, милостивый Никола, о счастье?

— Спросиль, спросиль! Есть тебѣ счастье.

— Какое же мнѣ счастье?

— А счастье твое: воровать и божиться. Давай же стремено-то!

А Моргунъ стоитъ, ровно оглохъ.

— Давай, говорю, стремено!

— Какое стремено? Я, вотъ те Христоръ, знать не знаю: стремено?!

Такъ объ одномъ стремени и поѣхаль Никола — поѣхаль по землѣ русской, по бездолью нужду вывѣдывать, скорый помощникъ и милостивый.

3.

Мужичонка вывѣсилъ на коль золотое стремя —
какъ солнце, засіяло стремя!

самъ принялся за городьбу.

А ѣхаль по дорогѣ изъ Питера баринъ на тройкѣ —
позваниваль колокольчикъ. Издалека увидѣль онъ золотое
стремя и прямо направиль на мужика.

Остановиль коней у кола.

— Ты, мужикъ, украдь стремя?

— Ваше благородіе, вотъ те Христоръ, стремено мое.

— Врешь, я тебя въ судъ представлю.

А Моргунъ стоитъ на своемъ, клянется, божится:

— Я и въ судъ пойду, стремено мое.

Сняль баринъ стремя съ кола, мужичонкѣ велѣлъ садиться къ кучеру, и поѣхали въ судъ.

Дорогой приглядѣлся баринъ къ мужику.

— Ой, — говорить, — и рвань же на тебѣ! Стыдно и на судъ съ такимъ ѣхать. На, вотъ, мое пальто, надѣнь.

И нарядилъ мужика: и шляпу и сапоги изъ чемодана ему вынулъ, все честь-честью, — и не узнать.

*

Баринѣмъ пріѣхаль Моргунъ въ судъ.

И доказываетъ на него баринъ, —

что не иначе, какъ укралъ онъ золотое стремя.

— Вотъ те Христокъ, мое стремено! — стоитъ на своемъ мужичонка.

И всѣ вѣрять.

Поглядѣлъ Моргунъ на барина.

— Ты скажешь, что у меня и пальто твое?

— Мое и есть.

— И тройка твоя?

— Да, конечно, моя!

— А вотъ те Христокъ, и пальто мое и тройка моя!

И всѣ вѣрять.

Повѣрили мужичонкѣ и присудили ему:

и золотое стремя

и барскую тройку.

Эво! обогатѣлъ мужикъ — нашелъ свое счастье!

И позабылъ про всякое горе.

НИКОЛИНО ПИСЬМО

1

Былъ Аника купецъ богатый. Ёхалъ онъ разъ путемъ-дорогой домой съ барышами.

Ёдетъ онъ селомъ, а тамъ на банѣ надпись надписана:

*

*рожаница лежала Авдотья Муравьева:
мальчика родила —
быть этому мальчику солдатомъ!*

*

Проѣхалъ Аника, ничего не подумалъ.

Вѣзжаетъ въ другое село, опять надпись:

*

*рожаница лежала Палагея Архипова:
мальчика родила —
этому мальчику быть хозяиномъ!*

*

Ёдетъ Аника дальше, думаетъ о долѣ:
рядить судьба челоуѣку долю,
судьбы конемъ не объѣдешъ!

Въ третье сало въѣзжаетъ Аника.
И тутъ баня и тутъ надпись:

*

*рожаница лежала Наталья Котова:
родила мальчика —
этому мальчику Аникинымъ добромъ и казной владѣть!*

*

Аникъ это не показалось.
— Какъ такъ, Котову моимъ добромъ и казной владѣть!
Не согласенъ.

Все село поднялъ Аника.

Указали ему Котову Наталью:

на краю села, мужъ-то пропаль, одна съ ребя-
тишками билась, — очень худо жила Наталья.

Аника ей денегъ даетъ:

отдай ему мальчика.

Поплакала Наталья и отдала:

все едино, Богъ приберетъ!

*

Съ Ванюшкой Котовымъ поѣхалъ Аника домой.

Ѣдетъ лѣсомъ. Стоитъ осиновая дупля. Приостановился,
да Ванюшку въ дупло и спустилъ.

— Ну, слава Богу, — перекрестился Аника, — избыль
бѣду!

И ходчѣ поѣхалъ.

А случилось о ту пору, сосѣдскій попъ поѣхалъ въ лѣсъ
за дровами. Наѣхалъ на осину. Видитъ, изъ дупла парокъ
идеть. Колонулъ —

а тамъ Ванюшка плачетъ.

Ну, сейчас же вытащилъ его изъ дупла, завернулъ въ тулупъ и домой.

— Что, отецъ, прїѣхалъ порожнемъ? — встрѣчаетъ попадья.

— Молчи, мать! Я намъ сына нашель.

А они бездѣтныя были, попь съ попадьею.

И остался Ванюшка у попа жить.

Воспитали его, обучили.

Десять лѣтъ прошло — и выровнялся мальчишка на славу, дѣльный.

2

Позабылъ богачъ Аника о Ванюшкѣ, живеть, богатѣеть. Пуще прежняго валить ему счастье и удача.

Вотъ она, судьба-то!

Заѣхалъ Аника по дѣламъ въ то село, гдѣ попь жилъ. Зналъ попа Аника сколько лѣтъ, остановился у него ночевать.

— Откуда это, отецъ, сына взялъ, ровно бы и не было у васъ?

— А вотъ Богъ сынка далъ: въ дуплѣ нашли!

И рассказалъ попь, какъ поѣхалъ онъ въ лѣсъ по дрова, наткнулся на дупло.

Аника такъ и замеръ.

Вотъ она, судьба-то!

Да спохватился: просить у попа мальчишку.

Смутилъ попа. За полтысячи сторговались.

И по-утру увезъ Аника Ванюшку.

*

Куда его дѣвать?

Гдѣ схоронить, чтобы ужъ до-чиста — концы въ воду?

Ѣдетъ Аника большой деревней. Большой колодезь. Вылѣзъ. И Ванюшка за нимъ — воды напиться.

Ванюшка нагнулся —

а Аника сзади какъ пихнетъ.

И угодилъ Ванюшка въ колодезь.

— Ну, слава Богу, ушелъ отъ бѣды!

Перекрестился Аника да скорѣе домой.

И надо же такому быть — пожаръ. Запылала деревня. Набать. Всполошились крещенные: кто съ чѣмъ — и прямо къ колодезю.

И какъ опустили первую бадью, такъ и вытащили Ванюшку.

Глядь, а огня какъ и не было, чуть только курится.

— Это, — говорятъ старики, — для него и пожаръ появился. Станемъ-ка мы, крещенные, кормить его миромъ.

И остался Ванюшка жить въ деревнѣ.

Изъ дома въ домъ — въ каждой избѣ ему домъ. Поили, кормили.

Двадцать лѣтъ прожилъ Ванюшка — такай молодець вышелъ.

3

Тридцать лѣтъ Ванюшкѣ.

Не признать его и родной матери, не узналъ бы и попъ съ попадѣй, а Аника и подавно.

Позабылъ Аника, былъ или не былъ на свѣтѣ Ванюшка.

Была судьба Ванюшкѣ владѣть его добромъ и казной —
Аника судьбу обошелъ!

Старый сталъ Аника, а счастье съ годами не убывало, —
богатый купецъ Аника.

*

Ѣдетъ Аника съ товаромъ на ярмарку въ ту самую деревню. Остановился у старосты. Разговоръ о томъ, о семь.

А Ванюшка о ту пору у старосты прислуживалъ.

— Экій молодець-то у тебя! — залюбовался Аника на Ванюшку.

А староста и говорить:

— Не простой онъ у насъ, колодезный: изъ колодца вынули!

И рассказалъ Аникѣ про пожаръ.

Вотъ она, судьба-то!

Ударило больно Анику, онъ къ старостѣ:

— Отдай да отдай молодца!

Ну, старостѣ чего, — бери.

Даль Аника отступного тысячу, да съ Ванюшкой и покатишь домой.

*

Пріѣхалъ Аника домой, привезъ Ванюшку.

Самъ со своей старухой раздумался:

чего бы такое сдѣлать, отдѣлаться отъ Ванюшки?

— Въ монастырь бы его опредѣлить! — совѣтуетъ старуха.

А и въ самомъ дѣлѣ, чего лучше.

И на слѣдующій день повезъ Аника Ванюшку въ монастырь.

Знакомые были монахи — уважали Анику. Такъ въ монастырѣ Ванюшку и оставилъ:

пускай за душу молить.

Полюбился Ванюшка въ монастырѣ — хорошій работникъ.

Два года прожилъ — на братію трудился.

4

Два года прошло, сбылъ Аника Ванюшку.

Кажется, теперь чего ему бояться?

А сердце неспокойно:

ѣсть ли, пьеть, а Ванюшка изъ памяти не выходитъ.

Такъ и видится ему баня.
На банѣ надпись:

*

*рожаница лежала Наталья Котова:
родила мальчика —
этому мальчику Аникинымъ добромъ и казной владѣть!*

*

И во снѣ Ванюшка снится.
Ой, какъ страшно:

стоитъ передъ нимъ, какъ живой, ничего не
скажетъ, только смотреть неотступно, какъ судь-
ба безотступна — —

«Рядить судьба человѣку долю, судьбы конемъ не объ-
ѣдешь!».

*

— Вотъ что, старуха, поѣду-ка я въ монастырь провѣдать:
не убежь ли Ванюшка?

Собрался Аника и поѣхаль.

Повезъ монахамъ угощенье.

— Ну, что, какъ Иванъ?

— Живъ, живетъ хорошо, въ монахи постригаемъ.

— Что вы говорите: въ монахи?

У Аники отъ радости духъ захватило.

Тутъ подскочили къ Аникѣ, высаживать его пустились
изъ коляски.

— Ахъ, — говоритъ Аника, — бѣда какая: деньги-то я
дома забылъ. Отпустите Ивана съ письмомъ, пусть онъ сходить
домой, а я у васъ погощу.

Ну, монахи, что угодно, извѣстно:

для богатаго да щедраго на головѣ пойдешь!
притащили и бумаги и конвертовъ и промокашку.

И написалъ Аника старухѣ:

какъ будетъ Иванъ домой, послала бѣ его въ лѣсъ,
а слѣдъ за нимъ Шалапуту, чтобъ тамъ его и
кончилъ.

Запечаталъ письмо, подалъ Ивану.

— Снеси старухѣ, передай въ руки, никому не показывай!

*

Съ письмомъ Аникинымъ пошелъ изъ монастыря Иванъ.
Идетъ лѣсомъ. Задумался. Роботко что-то.

Глядь, старичокъ навстрѣчу.

Ласково посмотрѣлъ старикъ.

— А, здорово, Аникинъ пріемышь!

— Какой я Аникинъ пріемышь, я — монахъ.

— А покажи, что несешь?

— Письмо.

— Дай, покажи.

— Да какъ я покажу? Аника не велѣлъ.

— Да дай же, говорю тебѣ.

Да такъ строго и праведно смотреть —

это Никола былъ угодникъ,

печальникъ о всѣхъ гонимыхъ.

Иванъ письмо ему и подалъ.

Разорвалъ старикъ письмо.

— Вотъ, не давалъ, а тутъ тебѣ смерть была!

Самъ отошелъ въ сторонку, сталъ у сосны.

Иванъ ужъ и смотрѣть боится.

— На тебѣ письмо, иди съ Богомъ.

И пошелъ Иванъ — понесъ старухѣ письмо не Аикино, а
Николино.

*

Пришелъ Иванъ въ домъ Аникинъ, подалъ старухѣ письмо.

А въ письмѣ будто пишетъ Аника, —

чтобы, не дожидаясь свѣта, шла бы къ попу да
просила бь попа обвѣнчать дочку съ Иваномъ
до свѣта.

Схватилаь старуха, вывела дочку —

благословила Ивана съ Софьей.

А сама къ попу.

Попъ было уперся: такъ скоро! Ну, она ему волю Аникину
сказала, попь и размякнуль, извѣстно:

для богатаго да щедраго все можно!

до свѣта Ивана съ Софьей и обвѣнчалъ.

И живутъ молодые день и другой и третій — полюбили
другъ друга, дней не замѣчаютъ.

*

А Аникъ не терпится:

хоть бы узнать поскорѣй, прикончилъ ли Шала-
пута Ивана?

Прожилъ Аника въ монастырѣ три дня, отблагодарилъ
монаховъ — деньги-то при немъ были! — и домой поѣхалъ.

Весель Аника: теперь ужь окончательно развязался —
лежить Иванъ гдѣ подь кустомъ въ лѣсу,
мертваго ѣдятъ его звѣри.

Смѣшно Аникъ, смѣется —

вотъ она, судьба-то!

— Я — Аника!

Доѣхалъ до воротъ, да къ дверямъ:

— Я — Аника!

Распахнулъ дверь —

а на порогъ Иванъ съ Софьей подь-руку,
а за ними старуха.

У Аники въ глазахъ помутилось:
какъ стоялъ, такъ и остался.

Вотъ она, судьба-то!

Едва отошелъ, присѣлъ на лавку.

— Что ты надѣлала, старуха?

— Твоя воля, Аника.

— Да я жъ его велѣлъ въ лѣсъ завести Шалапутѣ.

Старуха письмо:

«обвѣнчать дочку съ Иваномъ до свѣта!».

Его рука: самъ и писалъ, самъ и подписывалъ.

Ничего понять не можетъ Аника:

ужъ не снится ли ему?

или онъ ума рѣшился?

— Я — Аника!

Аника вскочилъ, да опять на лавку — и повалился.

А когда очнулся, призвалъ Ивана.

И рассказалъ ему Иванъ о старикѣ чудномъ.

— Никто, какъ Никола угодникъ.

Не можетъ Аника помириться:

нѣтъ, самъ онъ спросить Николу, такъ это или
обманываютъ его?

И посылаетъ Ивана:

пусть идетъ, отыщетъ Николу и попроситъ для
него письмо —

хочетъ Аника видѣть Угодника.

5

Помолился Иванъ Николѣ.

Раннимъ утромъ простился съ женою и отправился въ
путь:

пусть Никола будетъ ему водитель!

Шель Иванъ путемъ-дорогой — близко ли, далеко ли,
низко ли, высоко ли, доходить до рѣчки.

На рѣчкѣ перевозъ:

сидить въ лодкѣ дѣвица, почернѣла вся подъ вѣтромъ, сидить, держать весла.

— Перевези меня! — крикнулъ Иванъ.

— А куда пошелъ, Аникинъ пріемышь?

— А иду я къ Николѣ. Не знаю, найду ли?

— Найдешь, найдешь, Ванюша! Перевезу тебя на тотъ берегъ, пойдешь берегомъ, выйдешь въ лѣсокъ и будетъ направо избушка, тутъ и увидишь.

Сѣлъ Иванъ въ лодку.

Перевезла его дѣвица.

— Послушай, Ванюша, какъ будешь ты у Николы, спроси, сдѣлай милость: долго ли мнѣ перевозить еще, ой устала! ни стать мнѣ и рукъ не разомкну.

Пообщалъ Иванъ —

онъ не забудетъ, спросить Угодника о срокѣ.

И пошелъ, какъ указала дѣвица.

И по тропчкѣ дошелъ до избушки.

А тамъ сидитъ старичокъ — тотъ самый, что въ лѣсу стрѣлся.

— Далеко ль ты, Аникинъ пріемышь, пошелъ?

— Николу угодника ищу.

— Самый я и есть Никола. Что тебѣ, Ванюша, надо?

— Аника послалъ къ тебѣ: просить письмо отъ тебя, хочеть спросить у тебя. Мнѣ не вѣрить.

— Ну, что жъ, напишу. Да чтобы скорѣе самъ приходилъ.

И написалъ Угодникъ письмо Аникѣ.

Взялъ Иванъ письмо, сталъ прощаться.

— Да вотъ еще что: перевозила меня дѣвица, черная подъ вѣтромъ, заказала спросить у тебя, долго ли ей перевозить еще, устала она, ни стать ей и рукъ не разожметъ.

— А скажи ей, Ванюша: какъ придетъ Аника, она и станеть со скамейки и руки отстануть отъ весель. Да скажи ей, будетъ перевозить Анику, чтобы сказала: «Аника, молъ, богатый, погребѣ самъ, я отдохну малость!».

Прощался Иванъ съ Николой, тропочкой вышелъ къ берегу.

А тамъ дѣвица ждетъ.

Сѣлъ Иванъ въ лодку.

— Ну, что, Ванюша, когда мнѣ срокъ?

Онъ ей все — всѣ слова Николины.

Поблагодарила дѣвица — черна ютъ вѣтра.

— Спасибо тебѣ, Ванюша, дай тебѣ Богъ счастья.

6

Вернулся Иванъ домой, подаетъ письмо Аникѣ.

Обрадѣлъ Аника:

самъ Никола угодникъ письмо ему написалъ —
велить къ себѣ ѣхать!

— Я — Аника! — кричалъ Аника, — старуха, пеки пироги, суши сухарьки! Меня самъ Никола угодникъ приказываетъ.

Разказалъ Иванъ Аникѣ путь-дорогу до Николы.

И пошелъ Аника, понесъ мѣшокъ съ пирогами да съ сухарьками. Дошелъ до рѣчки. На рѣчкѣ перевозъ. Онъ — въ лодку.

— Аника богатый, погребѣ самъ, я отдохну малость! — сказала дѣвица.

И тотчасъ поднялась со скамейки —
и руки отошли отъ весель.

Аника сѣлъ на ея мѣсто.

И какъ сѣлъ, точно влипъ —

и руки приросли къ весламъ.

Доѣхали до берега.

Встала дѣвица да на берегъ.

А Аника хочетъ подняться —

и не можетъ.

— Ты куда, дѣвка?

— Я тридцать лѣтъ перевозила, устала, теперь ты перевози свой вѣкъ, мнѣ будетъ.

И пошла, не оглянулась.

Аника порвался, порвался, —

нѣтъ, не можетъ стать

и рукъ не оторвешь отъ весель.

И остался свой вѣкъ тутъ жить.

А Иванъ съ Софьей зажили богато.

Все добро, вся казна Аникина перешла къ Ивану —
нареченная доля.

!

НИКОЛА - НОЧЛЕЖНИКЪ

I.

Нищаго накормить, напоить, а ночевать не просись, ни-
почемъ не пустить!

Такова была воля и норовъ — богатый мужикъ Егорычевъ.

Всѣхъ ко вдовѣ ночевать отправлялъ бѣднѣющей — къ
Адриановнѣ.

*

А приходитъ къ вечеру гость незванный —

Никола угодникъ.

Стучить къ богачу. Пустили нищаго.

Поужиналъ старичокъ да на лежанку.

— Нѣтъ, братъ, погоди, — говоритъ хозяинъ, — у насъ
этакъ не водится! Иди къ Адриановнѣ, тамъ тебѣ ночлегъ.

А старикъ забрался на лежанку.

— Мнѣ, — говоритъ, — и тутъ хорошо.

И заснулъ.

И, какъ ни будили, ничего не подѣлаютъ. Ну, хоть сил-
комъ стаскивай. Такъ и отступились.

По утру поднялся старикъ и пошелъ.

И весь день проходилъ, а къ вечеру опять стучится.

Пустили.

Поужиналъ и опять къ лежанкѣ.

— Нѣтъ ужъ! — забранилась старуха, — моду нашель!
Сказано: иди къ Адриановнѣ, тамъ ночлегъ.

А старикъ и ухомъ не ведеть, забрался на лежанку.

— Мнѣ, — говорить, — и тутъ хорошо.

Да только и слышали, — спать.

Обозлилась старуха: расквилилъ ее нищій.

— Ужь погоди, явишься ужотка, полетишь за дверь!

Проспаль старикъ ночь, вышелъ.

День по дворамъ околачивался, а ввечеру къ Егорычеву —
гость незванный.

Отказать совѣстно. Уломаль хозяинъ старуху. Пустили.

Только старуха не дура, стала у лежанки —
подступись-ка!

Поужиналъ старикъ, да къ лежанкѣ — на старуху и
наперся.

— Иди къ Адриановнѣ, — заорала старуха, — говорю
тебѣ: у нея ночлегъ.

А старикъ изловчился, да черезъ старуху и махнулъ на
лежанку.

— Мнѣ и тутъ хорошо!

Заснулъ старикъ.

И ужь глодала жъ старуха хозяина всю-то ночь.

— Нипочемъ не пушу. И не проси. Или сама сбѣгу. По-
помнишь тогда. Нашель пріятеля.

Поутру поднялся старикъ.

— Ну, — говорить, — Зиновей Григорьевичъ, я у тебя
загостился. Приходи же ты ко мнѣ въ гости.

А старуха усмѣхается.

— Мало, — говорить, — къ нищему ходять въ гости.

— Ну, что ты, Никифоровна, чѣмъ богать, тѣмъ и радъ.
Можеть, я попотчую и хорошохонько.

Попрощался старикъ и пошелъ.

2.

День за днемъ успокоилъ старуху.

И позабыли бѣ о нищемъ-старикѣ:

мало ли ихъ всякихъ у Егорычева кормится.

И вдругъ прибѣгаетъ конь подъ окно —
на сѣдлѣ письмо.

Распечаталъ хозяинъ, диву дался.

— Отъ кого это тебѣ?

— А помнишь, старуха, ночлежникъ-то нищій-старичокъ:
въ гости зоветъ!

— Что жъ, поѣзжай, погости! — усмѣхнулась старуха, —
долго-то больно не загостись! — усмѣхается.

Конь ждетъ подъ окномъ.

Хозяинъ сѣлъ на коня и поѣхалъ.

*

И привезъ его конь къ дому — большой домъ, богатый.
Встрѣчаетъ нищій-старичокъ.

— А, — говоритъ, — Григорьевичъ, пожаловаль!

И сталъ его угощать:

отъ роду такого кушанья не ѣдалъ Егорычевъ.

А послѣ угощенья на отдыхъ:

завелъ старикъ въ комнату, да на ключъ, —
одного и оставилъ.

А въ комнатѣ ни стула, ни постели, пусто.

И такой холодина, всю ночь продрожалъ несчастный.

— Околѣю я тутъ безъ покаянія!

Показалась ему ночь за годъ.

*

На утро выпустилъ его старикъ.

И опять въ тепло, и опять за угощенье —

пей, ѣшь, чего душенька взниметь, всего довольно!
и ничего-то не убываетъ.

Настала ночь, пора спать.

И завелъ его старикъ въ комнату, еще хуже той.

Темь и холодно, душитьъ — мѣста не найти.
— Пропаду я совсѣмъ.
Едва утра дождался.
Показалась ему ночь за десять лѣтъ.

*

Стало свѣтать, явился старикъ:
слава Богу, освободилъ!

И опять попалъ несчастный въ тепло. И прямо за столъ.
И опять потчивалъ старикъ лучше еще.

А къ ночи спать.

Всталъ изъ-за стола, идетъ за старикомъ.

«Господи, — думаетъ несчастный, — неужто и опять на муку ведутъ?»

А старикъ въ другое мѣсто ведетъ.

И оставилъ его одного въ комнатѣ.

И до чего хорошо въ этой комнатѣ:

тепло, манный духъ, и постелька-то мягкая,
все бы лежалъ.

И утро настало, пришелъ старикъ, а и уходить не охота.

— Каково спать-то было?

— Больно хорошо, дѣдушка.

— А по тѣ-то ночи какъ?

— А больно худо.

— Первая ночка — тебѣ мѣсто. А другая-то ночка — твоей старухѣ. А эту ночку спалъ — Адриановнѣ. Отправляйся теперь съ Богомъ домой!

Попрощался Егорычевъ со старикомъ, вышелъ изъ дому.

Конь у окна. Сѣлъ на коня и домой.

И до самыхъ воротъ донесъ его конь. А какъ слѣзъ, и конь пропалъ.

3.

Вошелъ Егорычевъ въ домъ, —

а его и живымъ не окладывали!

Обрадовалась старуха:

не три дня, три года пропадалъ безъ вѣсти.

— Поди-ка, старуха, наливай самоварчикъ, да зови Адриановну въ гости.

Поставила старуха самоваръ, побѣжала къ сосѣдкѣ.

Удивилась Адриановна:

никогда еще не бывало такого!

Принарядилась, пошла къ сосѣдямъ.

Сѣли чай пить.

— Что это случилось, потчуете меня?

— А вотъ что, Адриановна, давай домами мѣняться.

— Куда мнѣ: мой-то домишко худой.

— Да ужь говорю, давай мѣняться: я — въ твой домъ, а ты здѣсь живи.

И уговорилъ Адриановну.

Осталась она у Егорычевыхъ въ домѣ богато жить.

А Зиновей Григорьевичъ со старухой въ ея келейкѣ поселился.

Ворчитъ старуха:

— Чего ты надѣлалъ, ума ты рехнулся!

— Не понимаешь ты ничего, старуха. Мѣсто у нея хорошее, а у насъ худое. Намъ не измотать нашего добра своими руками, а она расточить. Она опять заслужить себѣ мѣсто.

И все про старичка, про тѣ три ночи — про какія ночи! — рассказалъ старухѣ.

И остались покорно жить въ нищетѣ и бѣдности.

НИКОЛА ВЪРНЫЙ

I.

Жили были два брата:
одинъ братъ богатый,
другой — голый.

У бѣднаго нечего ѣсть, а ребятъ много. Приходитъ бѣдный къ богатому.

— Дай мнѣ на пудикъ: дѣти голодомъ сидятъ.
Тотъ ему не далъ.

Дома хозяйка ждетъ, ребятишки.

— Ну, что?

— Нѣтъ, не далъ. Ложитесь, дѣтушки, голодомъ.

Плохо бѣдному, и не съ голода, съ тоски нездоровъ сдѣлался, полежалъ немного времени и померъ.

Приходитъ жена его къ богатому.

— Померъ братецъ твой. Дай мнѣ на похороны рублика полтора! — со слезами просить.

А хозяйка богатаго брата услышала.

— Дай, дай, — говорить, — ты бѣденъ не будешь, похороны брата.

Тотъ не даетъ.

И опять просить со слезами.

— Дай, пожалуйста, вотъ Никола Угодникъ свидѣтель! — на икону показываетъ.

Тотъ далъ на похороны.

Везти покойника на кладбище было мимо города.

Вдетъ богатый братъ, лошаденку подхлестываетъ —
разъ хлестнетъ, да Николѣ Угоднику пеняетъ:

— Ты вотъ ручаешься за этихъ людей, а чего я съ нихъ
возьму?

Сидѣль въ лавкѣ молодой купеческій сынъ, слышитъ и
жалко ему, выскочилъ изъ лавки.

— Пстой, — говоритъ, — дай проститься съ покойникомъ.

Простился и сталъ спрашивать у богатаго,
чего онъ такой,
что думаетъ?

— Да вотъ я далъ на похороны, и деньги мои, видно,
пропация, а поручился Никола Угодникъ за нихъ.

Купеческій сынъ вынулъ деньги, расчиталъ его.

— Не считай за братомъ долгу!

И просить отдать ему икону Николы Угодника.

А тому, почему не отдать!

Взялъ купеческій сынъ икону и поставилъ къ себѣ въ
лавку — Николу Угодника.

А какъ сталъ вечеръ, заперъ лавку и домой.

Дома встрѣчаетъ мать.

— Что, какво сегодня поторговаль, дитятко?

— А хорошо, маменька, я поторговаль. Я икону купилъ,
маменька.

— А какую ты, дитятко, икону купилъ?

— Купилъ я Николу Угодника.

— А гдѣ ты купилъ?

— А везли покойника, выбѣжалъ я проститься и купилъ.

— Дорого ль?

— За похороны отдалъ.

— Ну, дитятко, это добро дѣло. Слава Тебѣ, Господи, хорошо поторговаль.

Легли спать.

И видится матери сонъ.

«возьмите вы, — говорить, — приказчика, у тебя сынъ не въ полныхъ лѣтахъ, онъ его наставить въ торговлѣ. Вы выйдете на улицу: кто попадетъ первый человѣкъ навстрѣчу, тотъ и будетъ приказчикомъ. Вы будете счастливы!»

Утромъ мать рассказала сыну.

Помолился онъ Богу и вышелъ на улицу. И никто не попался ему навстрѣчу.

Ужъ отъ дома отошелъ порядочно, и вдругъ идетъ — —

— Здорово, дѣдушка!

— Здорово, милый выюнышъ.

— Дѣдушка, не можешь ли мнѣ послужить!

— Гдѣ, сынокъ?

— Да вотъ по торговой части. Я еще глупый, ты меня наставь.

Старичокъ послушалъ, вернулись они въ домъ, заходятъ въ избу.

Увидала мать.

— Слава Богу, нашелъ себѣ товарища! Дѣдушка, я тебѣ помолюсь, какъ Богу, наставь моего сына уму-разуму.

— Я взятыся возьмусь, только меня слушай: что я велю, то и дѣлай.

Мать на все согласна.

И остался старичокъ съ ними жить въ домѣ.

2.

Поутру чуть свѣтъ будить старикъ Ивана.

— Вставай, сынокъ, пора итти въ лавку торговать. Торговые люди долго не спятъ. Ишь разоспался!

Поднялся Иванъ и пошли.

Осмотрѣлъ старикъ лавку.

— У васъ благодать какая, можно торговать. Подпишите подъ меня все теперь — я полный хозяинъ.

Иванъ подписалъ.

И день торговали хорошо.

Вернулись вечеромъ домой. Собрала мать ужинъ. Сидятъ втроемъ, ужинаютъ.

Приходить большой ея братъ.

— Зачѣмъ пришелъ, братецъ?

— Да вотъ въ Заморье король требуетъ.

— Зачѣмъ же онъ васъ требуетъ?

— А потому, что онъ намъ долженъ. Мы вмѣстѣ жили, сколько кораблей товару продавали ему.

— А когда думаешь отправляться? — спросилъ старикъ.

— А у меня все готово и корабль готовый, только отправляться!

Простился съ сестрой, простился съ племянникомъ и со старикомъ, приказчикомъ ихъ.

Остались одни, Иванъ и говорить:

— А мы когда, дѣдушка?

— Пospѣемъ.

И легли спать.

*

Поутру чуть свѣтъ будить старикъ Ивана:

— Вставай, сынокъ, намъ надо итти на корабельную пристань, корабль выбирать.

Поднялся Иванъ, пошли они на корабельную пристань.

Долго ходили и выбирали корабль:

сколько лѣтъ стоялъ этотъ корабль, не ломился.

— Намъ такой въ самый разъ: мнѣ, старику, и сынку молодому.

И сейчасъ на корабль заходятъ.

— Дѣдушка, какъ мы поѣдемъ, нельзя пробраться!

— Прoberемъ.

Заволновалась корабельная пристань — и сдѣлался имъ
ходъ.

Удивились корабельщики.

— Чтой-то у насъ, живучи, никогда не бывало!

Привалили они къ бережку, оприколили корабль.

— Молись, сынокъ, Богу, счастливы будемъ.

— Нашъ дядюшка теперь далеко идетъ!

— Молись Богу и мы выйдемъ.

Къ ночи вернулись они домой.

Встрѣчаетъ ихъ мать.

— Что, купили корабликъ?

— Купили.

— Слава Богу, — взмолилась она къ Богу, — нашли!

— Когда же, дѣдушка, будемъ отправляться?

— А будемъ отправляться завтра.

Дождались они дня — и на пристань, сѣли на корабль,
простились съ матерью.

— Господа корабельщики, дайте ходъ!

— Ступай съ Богомъ, дѣдушка, дорога готова.

И выѣхали они на море и пошли моремъ.

3.

Шель корабль честно.

Ѣдутъ они сутки и другія и третьи.

— Погляди, сынокъ, въ подзорную трубку, что не видать
ли?

Посмотрѣлъ Иванъ и увидѣлъ:

чернѣть.

Проѣхали еще. И опять посмотрѣлъ.

— Дѣдушка, дядюшка нашъ идетъ!

— Ну, теперь поѣдемъ вмѣстѣ.

А и на корабль у дяди увидѣли корабль.

— Ёдетъ племянникъ и флагъ ихъ развивается! — узналъ дядя.

И догнали и поѣхали вмѣстѣ.

Вотъ имъ изладилось ѣхать мимо города недалеко.

— Дѣдушка, намъ надо заѣхать въ городъ, купить королю подарки, — говоритъ дядя.

— Ладно.

— Мы безъ этого никогда не являемся, всегда подарки покупаемъ.

Остановились у города.

Накупилъ дядя подарковъ, упаси Боже сколько.

— Дѣдушка, а мы что повеземъ?

— Чего повеземъ? Что повеземъ, то и ладно.

— А какъ же мы поѣдемъ, купить надо что.

— Ну, да ладно, и такъ доѣдемъ.

И велѣлъ дядѣ впереди плыть.

Отѣхалъ дядя — они за нимъ слѣдомъ.

Подѣхали къ горѣ, взялъ старичокъ желѣзную тростку.

— На, сынокъ, рой въ горѣ.

Иванъ ткнулъ —

и повалились каменя въ корабль.

— Теперь, сынокъ, будетъ съ насъ.

И опять поѣхали. И скоро достигли королевскаго города.

Поглядѣлъ Иванъ въ подозрную трубку.

— Вотъ и дядюшкинъ корабль, а намъ нѣту мѣста, негдѣ стать.

— Ну, да станемъ.

И раздвинулась корабельная пристань.

— Потихоньку, потихоньку! — закричали корабельщики.

*

Такъ и вошли и стали рядомъ съ кораблемъ дяди.

Пора было заявить, что такіе-то купцы явились; пора было итти къ королю съ подарками.

Дядя забралъ свои подарки и пошелъ.

— Дѣдушка, а мы-то съ чѣмъ пойдемъ?

— А поди, сынокъ, купи двѣ чашки хлѣбныя, что хлѣбы валяютъ.

Иванъ пошелъ на базаръ купилъ двѣ чашки.

— Ладны ли, дѣдушка?

— Ладны, ладны! умѣлъ выбрать.

И набралъ камушковъ чашку, другой закрылъ.

— На, сынокъ, понеси королю подарки.

— Что ты, дѣдушка, какіе это королю подарки?

И стыдно ему съ этими чашками и камнемъ, да и ослушаться не смѣеть, — и пошелъ.

Приходить къ королевскому дворцу.

— Чего ты несешь?

— Подарки королю.

— А что ты, какіе это подарки королю! Онъ тебя выгонитъ.

— Не ваше дѣло.

И пропустили его. Доложили королю.

Король выходитъ, на него смотреть.

— Извольте отъ меня принять подарки!

И подаетъ королю чашку.

И какъ раскрылъ король чашку, такъ въ горницѣ и осіяло.

Очень обрадовался король и королева обрадѣла.

И въ назначенное число расчиталъ король Ивана и его дядю и отпустилъ на корабль съ миромъ.

4.

А была у короля дочь —

сколько годовъ въ разслабленіи лежала!

И была перенесена она въ церковь, какъ неживая.

И объявляетъ король :

— Кто будетъ ночью мою дочь караулить, я того чело-

вѣка награжу. А выздоровѣть, отдамъ въ замужество за того
человѣка.

Услышалъ Иванъ и говорить:

— Дѣдушка, я пойду караулить.

— Ой, ты, ну куда лѣзешь!

— Нѣтъ, дѣдушка, пойду.

— Ну, ладно, Богъ помилуетъ! На уголекъ, очертись,
очерти и ее, да и купи куль груши и возьми съ собою въ цер-
ковь!

И еще далъ старикъ книгу:

читать Святырь до послѣдняго псалма,

и, что бы ни было, не давать отвѣту.

Купилъ Иванъ куль груши и къ ночи отправился въ
церковь.

Разсыпалъ по церкви грушу, очертился, очертилъ коро-
леву и сталъ читать Святырь.

*

Въ самую полночь вдругъ выходитъ —

«Отъ нашего короля обѣдъ сегодня намъ!»

И слышитъ Иванъ:

начали собирать грушу, хряпаютъ —

и скоро всю подобрали.

И увидѣлъ Иванъ:

огоньки, ровно свѣчи, по всей церкви.

И сдѣлался шумъ, верескъ —

Кричатъ:

«Ой, ѣсть нечего, давайте съѣдимъ ихъ!»

И увидѣлъ Иванъ не огоньки —

а самъ все читаетъ.

Буквы, какъ огоньки мелькали —

а онъ все читаетъ.

И дошелъ до послѣдняго слова.

— Аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ Боже!

И закрыль книгу.
Туть пѣтушки спѣли —
и ихъ не стало.

*

— Ну, теперь, королевна, вставай!
Подняль ее за руки, поставиль.
И стали оба Богу молиться.

Ключи забрякали — двери отпирають:
сторожа пришли.
Сторожа пришли и видягъ:
живы! стоять, оба Богу молятся.
— Идите, скажите королю: дочь здорова, на ногахъ стоитъ!

*

Бѣгутъ сторожа къ королю:
— Дочь здорова! на ногахъ стоитъ!
Обрадовался король и королева обрадѣла.
Велѣль король запрягать коней самыхъ лучшихъ:
везти дочь во дворець да Ивана.
И привезли ихъ.
Вошли они въ горницу, Богу помолились.
— Ну, теперь, — говорить король, — ты ее освободиль,
я позволю на ней жениться. И ты ужъ не Иванъ, купеческій
сынъ, а королевичъ!
И повѣнчался Иванъ-королевичъ на королевнѣ.
И стали пирь пировать. Тутъ только и вспомнилъ:
— Ой, у меня на кораблѣ есть дѣдушка — довѣренный
приказчикъ и дядя!
Ну, сейчасъ же поѣхали за ними, подхватили подъ-ручки,
въ карету посадили и привезли во дворець —
за гостей почитать будутъ.

— Эхъ, Иванъ-королевичъ, позабылъ ты дѣдушку! Повѣнчался на королевнѣ! — пенялъ старикъ Ивану.

Да дѣлать нечего, не воротишь.

*

Трое сутокъ пировали.

— Иванъ-королевичъ, хорошо гостить, да время отправляться.

— Когда будемъ, дѣдушка, отправляться?

— Да на завтрашній день.

И на завтра велѣлъ король сказать на корабельной пристани, чтобы простору имъ было.

Удивляются корабельщики.

— Былъ Иванъ-купеческій сынъ, а сталъ Иванъ-королевичъ!

Вышли они на бѣлы дворы, сѣли въ кареты.

Музыка впереди и войско. Приѣхали на пристань, вошли на корабль. Простились съ тестемъ.

Дядю впередъ отправили.

Сѣлъ старикъ на руль, Иванъ-королевичъ сталъ на носъ — и поѣхали.

5.

Шель корабль честно.

На кораблѣ войско и музыка.

— Иванъ-королевичъ, посмотри въ подзорную трубку.

Посмотрѣлъ Иванъ-королевичъ.

— Дѣдушка, недалеко что-то чернѣеть. Дѣдушка, островъ!

— Ну, слава Богу, можно погулять и войско покормить.

Пристали они къ острову.

Приказалъ старикъ наносить дровъ и приказалъ дрова сжечь.

Разгорѣлись дрова на мелкій уголекъ —

жаръ сильный сталъ.

Взялъ старикъ королевну да въ огонь —
и сжегъ.

И не стало королевны.

Одинъ остался Иванъ-королевичъ.

— Что же ты, Иванъ-королевичъ, запечалился?

— Да какъ же, дѣдушка!

— Не печалься, подождемъ немного!

Самъ дунуль въ пепель —

и на двѣ грудки онъ сдѣлался.

— Можешь ли ты отгадать: какой пепель отъ дровъ, какой отъ человѣка?

Иванъ-королевичъ посмотрѣлъ — и узналъ.

— Вотъ этотъ.

— Ну, молодецъ!

Взялъ старикъ пепель въ руку, кинулъ его въ воду —
пепель расплылся по водѣ.

И здрава выскочила королевна изъ воды.

— Что, королевна, чувствуешь ли теперь что?

— Да ничего, дѣдушка, я жива и здорова.

— Вотъ, Иванъ-королевичъ, теперь она жива и здорова.

Молитесь Богу, ты — королевичъ, ты — королевна.

И благословилъ ихъ старикъ.

Сѣли на корабль и дальше въ путь.

*

Корабль бѣжитъ и сердце радуется.

— Иванъ-королевичъ, посмотри въ подзорную трубку, не увидишь ли что?

Посмотрѣлъ Иванъ-королевичъ.

— Мнѣ, дѣдушка, показывается что-то — чернѣетъ что-то.

Вотъ ближе и ближе.

— Ой, дѣдушка, нашъ городъ!

— Ну, слава Богу, домой попали.

Вышелъ воинскій начальникъ встрѣчать ихъ съ войскомъ,
съ музыкой.

Сошли съ корабля.

Королевичъ и королевна, старичокъ, а за ними войско.

— Иванъ-королевичъ, спросите, что мать жива ли? Домъ
цѣль ли?

И сейчасъ распознали:

старуха жива,

а тамъ все крапива и дома нѣтъ!

И выстроили новый домъ-дворецъ — жить да поживать.

Простился старичокъ, благословиль и пошелъ —

Никола Угодникъ вѣрный.

А они и теперь живутъ.

НИКОЛА МИЛОСТИВЫЯ

1

Шель Христось съ Николою.

Много прошли они селъ, городовъ — много видѣли бѣды на землѣ.

А тамъ, по раздолью — полямъ весеннимъ такіе цвѣты цвѣли —

красовали Божій міръ.

*

Шель Христось съ Николою по нашей землѣ.

Изъ дома въ домъ заходили странники.

И не мало труда поднялъ Никола — всякому поможеть, никому не отказываль! — и оборвался весь, нищъ.

Нищими странниками постучались они въ избу на ночлегъ.

Тѣсно въ убогой избѣ.

Жила въ ней солдатка съ ребятишками, и хлѣба у нихъ не было, была краюшка одна да съ горстку муки, а въ хозяйствѣ корова-бѣлуха, да и та безъ молока.

— У меня и покормить-то васъ нечѣмъ, и молока нѣтъ, все жду, вотъ отелится бѣлуха.

— Не кручинься, — сказалъ Христось, — всѣ будемъ сыты.

Сѣли за столь.

Подала хозяйка послѣднюю краюшку —
и одна краюшка всѣхъ насытила.

— Вотъ, говорила, нечѣмъ будетъ накормить, гляди-ка,
всѣ сыты, да еще и осталось!

Радовался Никола больше матери и ребятишекъ сытыхъ.
Уложила мать ребятишекъ.

Улеглись и странники.

А сама пошла въ закомъ:

не соберетъ ли муки на блины — угостить по-
утру странниковъ?

И откуда что взялось:

было съ горстку въ ларѣ,
а тутъ этакую махотку принесла!

Сдѣлала она растворъ. И на утро испекла блиновъ.

— Вотъ видишь, и мука есть! — радовался Никола.

А ужъ какъ ребятишки-то блинамъ рады.

Попрощались странники и пошли себѣ дальше въ путь.

*

Шель Христось съ Николою.

Шли они зелеными — молодымъ полемъ зеленымъ —
какъ хорошо на землѣ въ Божьемъ мѣрѣ!

Гадалъ Никола объ урожаѣ.

Уморились странники и задумали передохнуть малость.

А стояло у дороги большое хозяйство, тамъ же и мельница.

Они на мельницу.

Увидалъ хозяинъ, видитъ, побиральщики, да и ну гнать
со двора.

— Лодыри, бродяги! стащутъ еще чего! — ворчалъ въ
догонку, грозилъ собаками.

Такъ и пошли.

Такъ и пошли, куда повела дорога.

Шель Христорь съ Николою по нашей землѣ.
 Къ вечеру привела ихъ дорога въ лѣсъ.
 На лѣсной полянкѣ прилегли странники —
 и ночь со звѣздами, такими колыбельными,
 покрыла ихъ.

По звѣздамъ — отъ звѣзды къ звѣздѣ — гадалъ Никола
 о землѣ нашей, думалъ думу невеселую.

И вотъ среди ночи прибѣжалъ на полянку сѣрый волкъ,
 поклонился Христу и просить ѣсть:

третій день ходить голодомъ.

— Господи, я ѣсть хочу! Господи, я ѣсть хочу!

— Поди, волкъ, къ солдаткѣ, — сказала Христорь, —
 изба ея съ краю при дорогѣ. Есть у нея корова-бѣлуха, ту
 корову ты и съѣшь.

— Господи милостивый, — вступился Никола, — за что
 же такъ? Вѣдь, послѣднее отнимаешь, а ребятишки-то какъ
 тамъ заплачуть! Господи, Ты вели лучше у мельника пополь-
 зоваться: и прогналъ онъ насъ, и добра у него дѣвать некуда.

— Нѣтъ, нельзя такъ, — сказала Христорь, — нѣтъ ей
 талана на семь свѣтъ: пусть бѣдуетъ до-времени.

А волкъ, какъ услышалъ повелѣніе, да со всѣхъ волчьихъ
 ногъ — за ѣдой.

И Никола поднялся.

Пошелъ пособрать хворосту, костерь разложить:
 что-то зябко ему.

Зашель старикъ за деревья, да по слѣдамъ волчинымъ
 бѣгомъ за волкомъ. Обогналъ волка — волкъ-то гдѣ еще: съ
 голодухи не очень-то прытко побѣгаешь! И поспѣлъ.

Взялъ Никола бѣлуху солдаткину, вымазалъ всю грязью
 и опять поставилъ.

А самъ назадъ.

Тамъ набралъ хворосту. Да только не надо разводять
 огня —

и такъ тепло.

— Экая ночка-то теплая!
И задремаль старикъ.
И вотъ будить Христось:
— Вставай, Никола, въ дорогу пора.
Не заставиль ждаты — легко поднялся Никола.
И на сердцѣ ему, какъ заря горить:
    слава Богу, ни съ чѣмъ уйдетъ волкъ,
    и мать не заплачетъ!
А волкъ-то и бѣжитъ, сѣрый, кланяется.
— Господи, нѣтъ у солдатки бѣлухи, а есть черная.
— Такъ бери черную, — сказалъ Христось.

*

Шель Христось съ Николюю.
Шли они по зарѣ утренней —
    пробуждались цвѣты полевые и цвѣтики малые,
    красовали Божій миръ.

А тамъ, на селѣ, сѣрый волкъ добрался до черной бѣлухи,
зарѣзалъ и ѣлъ свою долю. И когда хватилась солдатка, отъ ея
бѣлухи только рожки да ножки остались.

— Богъ далъ, Богъ и взялъ, Его воля! — приняла не-
счастливая свою горькую долю.

Шли странники въ гору.
Шли молча.

Трудно было Николѣ послѣ краткой ночи —
    вела дорога все въ гору.

И когда поднялось солнце и краснымъ огнемъ ударило
въ полмира, увидѣлъ Никола:

    катится имъ навстрѣчу бочка,
    а въ бочкѣ — золото.

— Господи, куда это такое богатство?

— Мельнику, — сказалъ Христось, — ему это золото.

— Господи, удѣли хоть горстку той несчастной: безъ бѣлухи осталась, ребятъ больно жалко.

— Нѣтъ, нельзя, — сказала Христось, — мельнику таланъ даденъ на семь свѣтъ и пусть ему будетъ довольно до время. Такъ и быть должно.

Прокатилась бочка —

какъ жаръ горитъ на дорогѣ.

Посторонились странники и дальше пошли.

А бочка катилась все подъ гору и такъ до самой мельницы. Сгрѣбъ мельникъ золото — золото къ золоту и не замѣтишь! — нѣтъ, ему мало бочки.

«Кабы десять бочекъ!» — думалъ мельникъ.

И старая забота давила плечи.

3

Шель Христось съ Николюю горой.

Все въ гору и чѣмъ дальше, тѣмъ круче гора —

и хотъ бы передохнуть часокъ!

А идуть и идуть.

На зарѣ вечерней поднялись они высоко — къ самой вершинѣ.

— Господи, я пить хочу! — взмолился Никола.

— Ступай по той тропинкѣ: тамъ колодець, напейся! — сказала Христось.

И пошелъ Никола, какъ указалъ Христось —

едва ужъ ноги идуть.

И отыскалъ Никола колодець. Заглянулъ, чтобы воды достать —

а тамъ змѣи кишать.

И отшатнулся.

И увидѣлъ:

тотъ самый мельникъ —

мельникъ стояль у колодца,
весь изорвался о камни и руки въ крови.
— Жажду! — просиль несчастный.
И ничѣмъ ему не могъ помочь Никола.

Вернулся ко Христу Никола.
— Нѣтъ, Господи, тамъ нечистый колодець.
Христось ничего не отвѣтилъ.
И опять пошли.
Еще выше, еще круче — на еще большую гору.

*

Шли они по горѣ высоко надъ землею.
Поднялись они до звѣздъ высоко —
и звѣзды такія близкія и такія грозныя
разрѣзали путь.
— Господи, Господи, я пить хочу! — взмолился Никола.
— Ступай по этой тропинкѣ: тамъ тебѣ будетъ колодець,
— сказалъ Христось.

И пошелъ Никола, какъ указалъ Христось —
падаетъ ужъ, изъ послѣднихъ.
И добрался, отыскаль колодець, зачерпнулъ —
а вода такая свѣжая да чистая.
И не узналъ Никола мѣста:
гдѣ камни?
и нѣтъ пропастей!
И до того хорошо кругомъ и свѣтъ такой свѣтлый —
такой садъ, какъ рай.
Сталъ и стояль, любуясь.
И увидѣль:
мать стоитъ у колодца, та солдатка,
и такая, какъ самъ онъ, любуясь.

И до того хорошо кругомъ и такой свѣтъ свѣтлый —
такой садъ, какъ рай.

И вдругъ услышалъ голосъ.

— Никола, — звалъ Христось, — что же ты такъ долго
стоишь?

— Господи, какъ долго? Три минуточки!

— Не три минуты, три года, — сказалъ Христось.

И они пошли съ горы опять на нашу землю.

НИКОЛА — СУДІЯ

1

Жиль-быль Савелій-богатый —
богатый человекъ.

Жиль онъ съ женой ладно. И состарились оба.

И до того они были добры и жалостливы къ людямъ —
всѣхъ бѣдныхъ, нищихъ кормили и поили и въ
долгъ давали и назадъ долгу не требовали.

А казна ихъ не убывала.

И жили они спокойно.

Савелій и говоритъ старухѣ:

— Ну, старуха, пригрѣшили мы у Господа Бога. Кто
бѣтается да старается, у того нѣтъ ничего, а мы сиднемъ сидимъ
и намъ все, ровно съ неба валится.

И просить старикъ старуху напечь пирожковъ да посушить
сухариковъ:

пойдетъ онъ Николу Угодника разыскивать —
пускай Никола разсудить, спросить у Спаса:
что имъ за этотъ грѣхъ выйдеть?

Напекла старуха пирожковъ, посушила сухариковъ —
истолкла сухарики въ мучку, насыпала мѣшокъ.

Простился Савелій со старухой и пошелъ искать Николу.

2

Мало ли, много ли шелъ Савелій.

Идетъ онъ, раздумываетъ о своей богатой долѣ и попада-
еть ему навстрѣчу разбойникъ.

— Что, старикъ, гдѣ это Савелій-богатый живетъ?

— А тебѣ что въ немъ? — спросилъ Савелій.

— А иду я, обокрасть хочу богача.

— Я самый и есть! — обрадовался Савелій, вынулъ ключи, — вотъ тебѣ ключи, ступай, сколько хочешь бери, только старуху не тронь.

Взялъ разбойникъ ключи.

— Ты-то самъ куда пошелъ?

— Николу ищу. Пусть разсудить — спросить у Спаса: что намъ за грѣхъ нашъ выйдетъ? Кто мучается, бьется — и у того нѣтъ ничего, а намъ, и раздаемъ мы казну нашу, а все, ровно съ неба валится.

Усмѣхнулся разбойникъ:

«Рехнулся, молъ, старикъ съ сытости!».

И разошлись.

Отошелъ немного разбойникъ, раздумался.

«Господи, вѣдь, и мнѣ тоже не только на семь свѣтѣ жить, а и на томъ свѣтѣ!».

И все припомнилъ:

сколько онъ душъ погубилъ, и какъ ему все было мало!

Догналъ разбойникъ Савелія.

— Возьмите ключи-то назадъ!

— Что же не пошелъ? — опечалился Савелій.

— Возьмите меня съ собой! — сказалъ разбойникъ.

И пошли они вдвоемъ искать Николу:

Савелій-богатый да разбойникъ.

Дошли до деревни. Ночь настагаетъ. Надо ночевать. Постучались въ избу.

Въ избѣ одна хозяйка.

— Пусти насъ, хозяйюшка, ночевать!

— Милости просимъ, ночуйте, только кормить нечѣмъ.

— Намъ ничего не надо. У насъ свое есть. Дай только чашку да ложку, да влей водички.

Хозяйка подала чашку и ложку, влила въ чашку воды.

Взялъ Савелій мѣшокъ, насыпаль сухариковъ въ чашку, помѣшалъ-помѣшалъ —

чашка полная стала, разбухли сухари.

Поѣлъ Савелій, передалъ разбойнику.

Наѣлся разбойникъ.

А чашка не убываетъ!

Идетъ хозяинъ —

Какъ ступилъ на порогъ, затопаль ногами и сталъ жену крошить.

— Это у тебя что за гости? Самимъ ѣсть нечего, а эти разсѣлись, кормишь!

— Не ругайся, хозяинъ, это у насъ все свое!

И предложилъ Савелій хозяину отвѣдать кушанье.

Присѣлъ хозяинъ къ столу, поѣлъ.

И хозяйка наѣлась.

— Мы такого и въ вѣкъ не ѣдали, — благодарять.

Ну, и разговорились:

откуда и куда странники идутъ?

Савелій и говорить:

— Вышелъ я Николу искать. Пусть разсудить — спросить у Спаса: что намъ за грѣхъ нашъ будетъ? Кто мучается, бьется — и у того нѣтъ ничего, а намъ, и раздаемъ мы казну нашу, а все, ровно съ неба валится.

А разбойникъ говорить:

— А я вотъ на свѣтѣ сколько душъ погубилъ, иду спросить: что мнѣ за это будетъ? Не на семь только свѣтѣ жить мнѣ, а и на томъ свѣтѣ.

Переночевали ночь.

На утро поднялись въ дорогу.

— Возьмите и меня съ собой, — просить хозяинъ, — и мнѣ не на семь только свѣтѣ жить, а и на томъ свѣтѣ. Я во

всю мою жизнь никого не напоилъ, не накормилъ: все боялся, что самимъ не хватить.

И пошли втроемъ:

Савелій-богатый да разбойникъ
да хозяинъ.

3

Идутъ и идутъ —

отъ часу дорога лучше и шире и глаже, что карта.

Стоить домъ.

Подошли къ дому —

нигдѣ ему конца нѣтъ, такой большой.

Поднялись по лѣсенкѣ и попали въ коридоръ.

И стоитъ тамъ старичокъ съденекій, древній старичокъ.

— Не ты ли, батюшка, Никола Милостивый?

— Я, — говорить, — я. Что вамъ нужно?

— Спроси у Спаса: что намъ за грѣхъ нашъ выйдетъ?

Кто мучается, бьется — и у того нѣтъ ничего, а намъ, и раздаемъ мы казну нашу, а все, ровно съ неба валится.

— А я — разбойникъ. На этомъ свѣтѣ сколько душъ загубилъ. Спроси у Спаса: что мнѣ за это будетъ?

— А я вотъ живу на свѣтѣ и никого не напоилъ, не накормилъ. Спроси у Спаса: что мнѣ за это будетъ?

Никола Угодникъ и говорить:

— Ночуйте, странники, тутъ вамъ будетъ покой.

И отворилъ дверь по правую руку —

и впустилъ туда Савелія.

И отворилъ другую дверь —

и впустилъ туда разбойника.

И отворилъ третью дверь —

и впустилъ туда хозяина.

*

Вошелъ Савелій въ комнату.

И до того эта комната убрана: большая, чистая, кровать высокая, подушки пуховыя.

Ходить Савелій по комнатѣ.

«Господи, это какъ царство небесное!».

Походиль, походиль да и прилежь на кровать.

А по стѣнѣ у кровати, какъ заборъ, а въ заборѣ щелка.

Онъ въ эту щелку и смотреть:

а тамъ комната еще лучше убрана.

Вошелъ разбойникъ въ свою комнату.

Пусто. Однѣ голыя стѣны. И двѣ доски вмѣсто кровати.

Походиль, походиль, да на дощечки-то и легъ —

и какъ повалились на него съ потолка сабли,

тесаки, пистолеты, ружья, топоры, ножи.

Все на него валится и колеть.

Всю ночь продрожалъ.

Вошелъ хозяинъ въ свою комнату.

У него, какъ у разбойника, голо.

Легъ онъ на доски. И напала на него жажда и такой голодь —

попадись какое животное, сыръемъ съѣлъ бы!

Вскочилъ онъ —

бѣгаетъ, да стѣны грызеть зубами.

Тошно.

*

Наутро выпустилъ Никола Савелія.

— Каково тебѣ, Савельюшка, было спать?

— Охъ, Никола Милостивый! Какъ царство небесное.

— Это вѣчное мѣсто твое. А рядомъ — старухъ твоей.
Ступай съ Богомъ. Будеть тебѣ покой.

Выпустилъ Никола разбойника.

— Каково тебѣ было спать?

— Хорошо, Никола Милостивый, мнѣ было спать: всю
ночь продрожалъ.

— Какъ отъ тебя невинныя души тряслись, и умаливали
тебя и упрасивали, а ты ихъ билъ, кололъ, давилъ. Теперь
твой чередъ. Это мѣсто твое.

Выпустилъ Никола хозяина.

— Каково тебѣ было спать?

— Хорошо, Никола Милостивый, мнѣ было спать: всю
стѣну прогрызъ.

— Это за жадность твою: какъ тѣ, кому ты отказывалъ,
самъ будешь мучиться голодомъ и жаждать. Это мѣсто твое.

И отпустилъ ихъ Никола.

*

Пошелъ разбойникъ свой грѣхъ замаливать.

Не забыть и хозяину голодной ночи! — пошелъ онъ къ
своей хозяйкѣ: не поскупится, подѣлится съ несчастнымъ.

Вернулся Савелій домой.

И зажили по-прежнему старики:

поять и кормятъ бѣдноту, взаимы даютъ
и долгу назадъ не требуютъ.

По-прежнему идетъ народъ къ Савелію,

Но ужъ что отдасть, того нѣтъ и нѣтъ!

Все роздали:

и хлѣбъ роздали,
скота всего роздали,
всю казну роздали.

И ничего въ домѣ болѣ нѣтъ.

Осталась только краюшка на столѣ —

только укусить маленько тому и другому.

Перекрестился старикъ:

— Слава Тебѣ, Господи, у насъ ничего теперь нѣтъ.

Перекрестилась старуха:

— Слава Тебѣ, Господи! Давай, старикъ, закусимъ краюшечкой, да и пойдемъ по міру.

Закусили краюшкой, попрощались съ домою.

И пошли — —

— — идутъ старики мимо своего окошка и слышать въ домѣ плачь:

«Ой, кто же это тамъ?»

Заглянули въ окно —

А тамъ мертвыя два тѣла лежать. — Это души ихъ, значить, пошли! — Оба тѣла лежать рядышкомъ:

Савелій да старуха его.

А надъ ними бѣднота, горемыки.

НИКОЛА ЧУДОТВОРЕЦЪ

I.

Жили-были три брата — купцы Ломтевы. Большую торговлю вели съ заморскими королями.

Три каменные дома Ломтевыхъ славились на весь городъ. А старшого брата домъ всѣхъ богаче.

И былъ у него одинъ сынъ Василій.

Стали братья собираться на ярмарку. И говоритъ старшій братъ братьямъ:

— Возьмите моего сына не для торговли, а для науки.

Братья согласились.

Нагрузилъ ему отецъ шесть кораблей драгоцѣннаго камня, и благословилъ въ путь для науки.

Пріѣзжаютъ они въ королевскую землю.

Привалили на пристань, пошли себѣ мѣсто откупать, а Василій остался на пристани, знай, посматриваетъ.

Вотъ идетъ старичище, королевскій карла.

— Что, молодець, привезъ?

— Дядья привезли краснаго товару, а я драгоцѣннаго камню шесть кораблей.

— А еще дома есть?

— Есть.

— Предоставь мнѣ еще шесть кораблей. Деньги получишь вразъ.

Крикнулъ Василій рабочихъ — выгрузили товаръ. Написалъ карла расписку. Тутъ вернулись на пристань дядья и хвалятъ, что хорошо товаръ запродавъ, цѣну хорошую взяли.

Стала ярмарка закрываться, поѣхали они домой.

Отець встрѣчаетъ Василія.

— Что, милой, съ накладомъ или съ барышомъ?

— Не знаю, что выйдетъ. Предоставь еще, тятенька, шесть кораблей: деньги получишь вразъ.

И отецъ его за то похвалилъ.

И когда подошла пора, нагрузилъ ему отецъ еще шесть кораблей драгоцѣннаго камню. И поѣхалъ Василій въ королевскую землю.

Привалили на пристань.

Дядья пошли мѣсто себѣ выторговывать, а Василій остался поджидать покупателя.

Вотъ идетъ старичище, королевскій карла.

— Что, молодець, исполнилъ договоренное?

— Исполнилъ.

Карла поглядѣлъ: шесть кораблей — товаръ тотъ же.

Крикнулъ Василій рабочихъ — выгрузили товары.

Велить ему карла явиться за деньгами.

Вернулись дядья на пристань, Разказалъ имъ Василій о продажѣ.

— Натѣ расписку, сходите въ такой-то домъ, получите. У меня толку не хватить расчитаться.

Взяли они расписку и пошли за расчетомъ.

Вышелъ къ нимъ старичище.

— Идите, молодцы, за мной. Чѣмъ вы желаете получить: мѣдными деньгами или серебромъ или золотомъ или, есть у меня еще про васъ, коли хотите?

Сидитъ дѣвица и такъ хороша — не столь зарились они на деньги, сколь смотрѣли на эту дѣвицу. Да такъ отъ грѣха и ушли на пристань.

— Ступай, Вася, бери что знаешь самъ.

Пошелъ Василій.

— Что, молодець, какими деньгами желаешь: мѣдью, золотомъ или серебромъ или, есть у меня еще про тебя, коли хочешь?

Василій посмотрѣлъ на дѣвицу и долго не думаль,—
вотъ что ему надо за двѣнадцать кораблей!

— Имущества съ ней не много поидеть, только одна шка-
тулка, — сказалъ карла.

— Ничего, у насъ казны довольно съ отцомъ.

Попращался Василій съ карлой. Взяла дѣвица шкатул-
ку и пошла за нимъ.

И какъ вышла она на волю, помолилась —

она, какъ въ аду тутъ была, сызмлада выкраденная!

Увидѣли дядья, что ведетъ Василій дѣвицу на пристань,
голову потеряли:

хороша-то хороша, да не похвалить отецъ —
навѣчно его разориль!

Окончилась ярмарка. Приѣхали они домой.

Встрѣчаетъ отецъ Василія:

— Что милой, съ накладомъ или съ барышомъ?

— Не знаю, тятенька, видно, съ накладомъ: я купиль
себѣ жену за двѣнадцать кораблей.

Отецъ и ну его таскать.

— Сгинь, — кричить, — съ моихъ глазъ, и не ходи ко
мнѣ никогда въ домъ. Куда знаешь, туда и ступай!

И остался Василій на улицѣ съ молодой женой.

Ночь переночевали на постояломъ дворѣ.

На утро жена вынула изъ шкатулки три златницы.

— Ступай, Василій, купи себѣ домъ.

Василій взялъ деньги и пошелъ по городу. И не долго
искалъ купца, нашелся такой.

Повель купецъ Василія домъ смотрѣть:

домъ трехъэтажный, каменный.

— Много ль возьмешь?

— А что дашь?

— У меня три златницы.

— Одной довольно, — сказалъ купецъ.

— Ну бери двѣ: мой домъ!

Расчитался Василій съ купцомъ, да скорѣй за женой —
будеть имъ гдѣ жить!

А на послѣднюю златницу купилъ онъ вина, выкатилъ
бочку къ воротамъ:

а кто бы ни прошелъ, ни проѣхалъ, всѣхъ зоветь
справлять новоселье.

Потомъ пошелъ къ дядѣ — посулился дядя. Пошелъ къ
другому — и другой не отказалъ.

Пошелъ къ отцу, и палъ передъ нимъ на колѣни.

Да слышать ничего не хочетъ отецъ — да за волосы, да
вонъ его и выбилъ на улицу.

2.

Вернулся Василій въ свой новый домъ — полонъ домъ на-
рода.

— Что не весель, хозяинъ? — обступили гости.

А какое ему веселье? Разказалъ онъ про отца: какъ отецъ
его встрѣтилъ.

Всѣмъ народомъ пошли къ старику за сына просить.

И уломали старика.

Пришелъ отецъ — первое мѣсто ему, первую чару.

Подарилъ отецъ молодымъ козла,

старшій дядя — лошадку,

младшій — корову.

И много имъ набросали серебра — много денегъ собрали
Василій съ женой.

Отецъ простилъ сына и ужъ домой не вернулся, а велѣлъ
запечатать свой домъ, самъ остался съ сыномъ да съ невѣсткой.

И зажили втроемъ дружно.

Говорять дядья Василію.

— Вотъ, племянничекъ, ѣдемъ мы на три ярмарки, по-
ѣдемъ съ нами!

— Да не съ чѣмъ мнѣ ѣхать-то.

А жена и говорить:

— Поѣзжай, Василій: богаче ихъ вернешься.
Василій и согласился.

Тутъ жена открыла шкатулку, вынула еще златницу и посылаетъ его на рынокъ купить ей разныхъ шелковъ. Пошелъ Василій на рынокъ, купилъ женѣ разныхъ шелковъ.

Въ трое сутокъ вышла она три ширинки, законвертила ихъ въ родѣ кирпичиковъ, подписала подписи.

— Въ первое королевство пріѣдешь, тамъ крестная моя — королева: подай этотъ конвертъ. А въ другое королевство пріѣдешь, вотъ этотъ конвертъ подай, тамъ мой крестный — король. А въ полуночное царство пріѣдешь, тамъ мой отецъ и моя мать!

Взялъ Василій конверты, простился съ женой.

— Прощай, царевна!

И безъ денегъ поѣхалъ съ дядиными кораблями.

Пріѣзжаютъ въ первое королевство.

Приходятъ къ королю съ гостинцами:

дядя свое — всякія матеріи подносятъ,
а Василій царевнинъ конвертъ.

Развернулъ король ширинку, а на ширинкѣ подпись къ крестной.

Обрадовался король съ королевой.

— Гдѣ ты нашелъ ее, нашу крестницу?

— Очень она мнѣ дорого стала: даль за нее я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню.

А король и королева на радостяхъ все бы отдали.

— Жертвуемъ тебѣ три корабля на отдарки.

Нагрузили Василію три корабля драгоцѣннаго камню, кончилась ярмарка, и поѣхали они въ другое королевство.

Приходятъ къ королю съ гостинцами:

дядя — свое,
а Василій царевнинъ конвертъ — съ ширинкою.

А на ширинкѣ — подпись къ крестному.

— Гдѣ ты нашелъ мою крестницу? — удивился король.

— Очень она мнѣ дорого стала: даль за нее я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню.

И крестный пожертвоваль на радостяхъ три корабля на отдарки.

Нагрузили Василию три корабля драгоцѣннаго камню. Кончилась ярмарка, и поѣхали они въ полуночное царство.

Приходятъ они къ царю съ гостинцами:

дядя свое — матеріи всякія,
Василій — царевнинъ конвертъ.

И какъ вывернули конвертъ, а тамъ ширинка.

А на ширинкѣ подписана подпись царю.

Обрадовался царь.

— Гдѣ ты нашель мою милую дочь?

Разказаль Василій о королевскомъ карлѣ:

какъ въ аду жила тамъ царевна.

— Очень она мнѣ дорого стала: даль за нее я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню.

— Эка, дорого! Жертвую тебѣ на отдарокъ шесть кораблей.

Нагрузили Василию шесть кораблей драгоцѣннаго камню, и стало у него всѣхъ двѣнадцать, какъ было.

Раздумался царь:

да въ правду ли Василій нашель его дочь?

И говорить приближеннымъ:

— Какъ бы такъ провѣрить? Нельзя ли мою дочь пре- доставить сюда?

— Поздно ты хватился, надо было пораньше! — говорятъ царю приближенные.

А одинъ выискался Коть-и-Левъ:

море ему по-колѣно и на догадку гораздъ.

— Черезъ его именной перстень можно ее скоро достать.

А ужъ ярмарка кончилась, собрались корабли плыть домой. Царь Котылева послушалъ, да на пристань, зоветь Василия: просить остаться еще на денекъ.

— Милой зять, попируй со мной суточки, я тебя отправлю потомъ.

Поплыли домой караваны, а Василий остался у царя пировать.

На пиру ему подлили сонныя капли:
какъ выпилъ и уснулъ крѣпко.

Съ соннаго сняли съ него именную перстень. Съ этимъ перстнемъ и поѣхалъ царскій посоль въ Ломтевь-городъ за царской дочерью.

Много ль спалъ Василий, проснулся, и скорѣе на свои корабли догонять дядьей.

А посоль приѣхалъ въ ихъ городъ, разыскалъ старика Ломтева и прямо къ царевнѣ.

Узнала царевна мужнинъ перстень, повѣрила и сейчасъ же отправилась въ полунощное царство къ отцу.

Нагналъ Василий корабли дядьей. И приѣхали вмѣстѣ.

На пристани встрѣчаетъ отецъ Василия.

— Что сынокъ, съ накладомъ или съ барышомъ?

— Вотъ тебѣ, тятенька, радость: получилъ я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню, бери ихъ себѣ!

Обрадовался отецъ:

всѣ двѣнадцать кораблей вернулъ ему сынъ!

— А гдѣ же жена? — спрашиваетъ Василий.

— Да, вѣдь, ты же ее по своему перстню вызвалъ къ отцу!

Тутъ хватился Василий, а перстня-то нѣтъ.

Затужилъ онъ, заплакалъ, не пошелъ и домой, пошелъ онъ на край моря, куда глаза глядятъ.

3.

Идетъ Василий на край моря и день и другой и третій, — не три дня, три года.

И показался ему старичокъ.

— Что, Василий, идешь и плачешь, о чемъ больно тужишь?

Посмотрѣлъ Василий на старика.

— Ой, Никола милостивый, какъ не тужить мнѣ: жену потерялъ. Мнѣ на нее хоть бы глазкомъ поглядѣть!

— Увидишь, — сказала Никола.

Подаль Никола ему топоръ, велѣлъ рубить дубъ.

Срубилъ Василій дубъ.

Изладилъ Никола изъ листьевъ и вѣтокъ коверъ-самолетъ, изъ верхушки сдѣлалъ самогудную скрипку. Даль скрипку Василю въ руки.

Оба стали на коверъ-самолетъ.

— Играй на верхніе лады! — сказалъ Никола.

Заигралъ Василій на верхнихъ ладахъ —
и они полетѣли.

Высоко летѣли надъ моремъ.

— Дѣдушка, не шире бараньей кожуры мнѣ кажется море! — удивлялся Василій.

— Ну, играй теперь на нижніе лады.

Заигралъ Василій на нижнихъ ладахъ —
сѣлъ коверъ-самолетъ у царскаго сада.

— Слушай, Василій, — сказалъ Никола, — жена твоя выходитъ замужъ за королевскаго сына. Послѣднія минуты. Выйдетъ она сейчасъ въ садъ, веди ее сюда. Только знай: тутъ есть бесѣдка, въ бесѣдкѣ скамейка, не садись на скамейку, уснешь, не увидишь.

Василій ходилъ, ходилъ по саду, а ее все нѣтъ.

Вошелъ въ бесѣдку, забылся и сѣлъ на скамейку.

И уснулъ.

Вотъ вышла царевна на прогулку, заглянула въ бесѣдку — что за человѣкъ? — подошла поближе и узнала. Вспомнила царевна старопрежнее, любовь свою, обрадовалась. Но сколько его ни будила, никакъ не могла разбудить.

Такъ и ушла.

Проснулся Василій, да скорѣй изъ бесѣдки.

— Дѣдушка родимый, что я надѣлалъ!

— Долго время она тебя будила, — сказалъ Никола, — еще разъ она выйдетъ на прогулку, карауль, не проспй!

И опять Василій ходитъ по саду, а ее все нѣтъ, — зашелъ онъ въ бесѣдку, сѣлъ на скамейку.

И уснулъ.

И опять вышла царевна въ садъ и прямо въ бесѣдку. И долго будила.

И будить и плачетъ.

— Ты больше меня никогда не увидишь.

А онъ спитъ.

Поплакала царевна и ушла домой.

Проснулся Василій, хватился, да поздно.

— Ну, дѣдушка, я сама пойду за ней.

Никола далъ ему коверъ-самолетъ и самогудную скрипку.

— Попросись у царя поиграть, — сказалъ Никола.

Съ дарами Николы вошелъ Василій въ царскія палаты.

Тамъ пиръ, свадьбу играютъ — выдаютъ царевну за королевскаго сына.

Поздоровался Василій съ царемъ — не узналъ его царь! — проситъ Василій поиграть въ свою музыку. Царь дозволилъ.

Разостлалъ Василій коверъ-самолетъ, взялъ въ руки скрипку, сталъ на коверъ.

— Ваше царское величество, велите отворить окна и двери: моя музыка громко играетъ.

Растворили окна и двери.

И заигралъ Василій въ самогудную скрипку —
всплакались самогудныя струны.

Подбѣжала къ нему царевна — захотѣлось ей поцѣловать его — подбѣжала царевна, стала на коверъ-самолетъ.

— Держись за меня крѣпче! — шепнулъ ей Василій.

И заигралъ высоко на верхнихъ ладахъ.

Тогда поднялся на воздухъ коверъ и, все равно какъ метлячекъ полёвой, вылетѣлъ на волю.

Забили тревогу:

кто изъ ружья,

кто изъ пушки —

мѣтятъ, цѣляютъ, палятъ —

Громъ гремитъ отъ пальбы, а достигнуть не могутъ: высоко!
Залетѣль Василій съ царевной высокою высоко —
    море подъ ними не шире бараньей кожуры.

«Кабы намъ сюда родного дѣдушку!» — вспомнилъ Василій.
— Играй теперь на нижніе лады! — услышалъ Василій.
А Никола-то съ ними:

    онъ и на пиру у царя съ нимъ невидимо былъ.
Заигралъ Василій на нижнихъ ладахъ —
    стали спускаться на землю.

— Ступайте теперь домой, — сказала Никола и далъ
Василію тайно кремень и огниво: — чиркни трижды, и будетъ
помощь! Да смотри, про кремень и плашку никому не сказывай.

    Попрощался Василій съ Николой, повелъ царевну домой.
Обрадовался отецъ сыну, а пуще того, что съ женой вернулся.

А тамъ у царя все разладилось.

Королевскій сынъ, дѣлать нечего, уѣхалъ въ свое королевство.

Опять потерялъ царь любимую дочь.

И собралъ царь своихъ приближенныхъ, говорить имъ:
— Не Василій ли хитникъ? не онъ ли увезъ царевну?
Говорятъ царю приближенные:

— Должно, что онъ, Василій Ломтевъ, некому больше.
Тутъ выискался опять Коть-и-Левъ и надоумилъ царя:
    самому царю ѣхать немедля въ Ломтевъ-городъ
    и испытать дѣло.

Послушалъ царь Котылева и на семи корабляхъ поплылъ
за царевной.

Побѣжалъ народъ на пристань встрѣчать царя.

А Василій запрягъ карету, встрѣтилъ тестя, и привезъ
его въ свой домъ.

Обрадовался царь, что нашель дочь. И пировалъ царь
у зятя.

А послѣ пира зоветъ его къ себѣ на житье.

Согласился Василий, попрощался съ отцомъ.

— Въ живности меня не будетъ, отпусти ты мою скотину на волю: моего козла, коня и корову.

Пообѣщаль отецъ исполнить волю, проводилъ сына.

И вернулся царь въ полунощное царство, а съ нимъ царевна и Василий.

И завелъ царь пирь на весь міръ.

4.

Узналъ королевичъ, что невѣста его за Ломтевымъ, обидно стало:

собралъ онъ большую силу и пошелъ войной на полунощное царство съ царемъ воевать.

У царя силы тоже не мало, да снарядовъ нѣту:
какія были пули, всѣ тогда разстрѣляли по ковру-самолету.

Выѣхаль царь съ Василиемъ въ луга —
загнала королевская сила луга.

Говорить царь Василию:

— Что, милой сынъ, на что намъ надѣяться?

— Я на Бога надѣюсь, на Николу милостиваго! — сказалъ Василий.

Вынулъ Василий кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два — до трехъ разъ — —

и выскочили три ухорѣза.

— Что насъ покликаль, на какія работы?

— Сѣките силу безостаточно! — приказаль Василий.

И не больше часу дѣло продлилось —

ничего не осталось отъ королевской силы.

— Ну, зять, стоишь ты званія! — похвалиль царь Василия.

Вернулись они во дворець.

Истопила царевна баню.

— Мила ладушка, чѣмъ ты орудуешь? — стала она пытать у Василия.

— Я на Бога надѣюсь, на Николу милостиваго, — отвѣчалъ ей Василій.

Ночь прошла.

На утро смотритъ царь въ окно: черно, всѣ луга застланы —
еще большую силу за ночь пригналъ королевичъ.

И опять выѣхалъ царь съ Василиемъ въ луга.

— Что милой сынъ, на что намъ надѣяться?

— Я на Бога надѣюсь, на Николу милостиваго! — сказалъ Василій.

Вынулъ Василій кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два —
до трехъ разъ — —

и выскочили три ухорѣза.

— Что насъ покликалъ, на какія работы?

— Сѣките силу безостаточно! — приказалъ Василій.

И рѣшили силу за два часа.

Вернулся царь во дворецъ съ Василиемъ.

Истопила царевна баню.

— Мила ладушка, чѣмъ ты орудуешь? — стала снова пытаться у Василія.

— Я на Бога надѣюсь, на Николу милостиваго, — отвѣчалъ ей Василій.

А царевна ну ластиться:

— Скажи да скажи про ухорѣзовъ: откуда такіе, ухорѣзы?

Василій ей все и сказалъ.

— Есть у меня кремень и плашка, я ими и дѣйствую, — открылъ тайну Василій.

Послѣ ласковой бани сладко спится —
крѣпко заснулъ Василій.

Осталась царевна одна и раздумалась:

жалко ей королевича, погубить Василій всю
его силу, и его самого погубить!

Да, долго не думая, и вытащила изъ кармана у Василія кремень и огниво. И приказала взять въ лавкѣ такой же кремень и огниво: тѣ спрятала, а эти положила на мѣсто.

А Василій спить, ничего-то не знаетъ.

На утро смотреть царь въ окно:

есть въ лугахъ королевская сила, да не такая ужъ,
больше старыя да малыя.

И въ третій разъ поѣхалъ царь въ луга съ Василиемъ.

И говорить Василій царю:

— У королевича силы не больно много. Хоть и немного,
да сердце у меня сегодня слышитъ: едва ли мнѣ сегодня живу
быть.

И вынулъ Василій кремень и огниво, чиркнулъ разъ и
два, до трехъ разъ — —

а нѣтъ никого.

Нѣтъ никого, нѣтъ ухорѣзовъ.

— Ну, батюшка, поѣзжай домой, а мнѣ конецъ! — ска-
залъ Василій.

Тогда подбѣжала королевская сила — старыя и малыя —
и изсѣкли его на мелкія куски:

собрали куски, зарыли и столбъ поставили.

А королевичъ вошелъ во дворецъ, взялъ царевну и увезъ
ее въ свое королевство.

Заревѣла скотина Васильева:

козель,

конь,

корова.

И не можетъ отецъ ее никакимъ кормомъ уважить: все
реветъ.

И догадался старикъ:

«Неужели сына нѣтъ въ живности!»

И выпустилъ ихъ на волю.

И пустились они, кто какъ могъ, и прямо на побоище —
къ столбу кровавому.

Говоритъ буренушка:

— Козель Козловичъ, вырывайте! И ты, лошадушка,
вырывайте! А я помчусь за живой водой.

Трое сутокъ трудились козель и конь —

отрыли всѣ куски и кусочки,
и собрали все вмѣстѣ:
какъ есть человѣкъ.

Примчалась буренушка, фыркнула изъ лѣвой ноздри —
и куски срослись.

Фыркнула изъ правой ноздри —
и Василій сталь.

Пѣмянулъ онъ отца, что не забылъ обѣщаніе, и скотинѣ
спасибо сказалъ.

— Ну, родимая скотинушка, ты ступай къ моему роди-
телю, а мнѣ итти некуда!

Побѣжала на радостяхъ скотина домой:

козель,
конь,
корова.

А онъ край моря пошелъ, куда глаза глядятъ.

5.

Идетъ Василій край моря и день и другой и третій — не
три дня, три года.

И показался ему старичокъ.

— Что, Василій, побѣдствовалъ?

— Ой, Никола милостивый, мнѣ теперъ ее во вѣкъ не
видать!

— Увидишь, — сказалъ Никола и далъ ему ягоду: — на
чего тебѣ подумается, тѣмъ ты и сдѣлаешься. —

Василій съѣлъ ягоду, подумалъ на воробья —
воробьемъ и сдѣлался.

Воробьемъ и полетѣлъ — и прямо полетѣлъ въ коро-
левство заморское къ королевичу.

Тамъ ударился о землю —

и сдѣлался опять молодцомъ.

Идетъ Василій по городу мимо дворца королевскаго —
мимо окошка царевны.

Царевна въ окнѣ сидитъ.

Признала Василю —
схоронилась въ окнѣ.

И пошелъ Василій изъ дворца на край города.

Тамъ жила старуха, на краю города, нищая. Къ ней и зашелъ Василій.

— Откудава? Какой молодецъ ты! — поздоровалась старуха.

— Очень, бабушка, я дальній, — осмотрѣлся Василій, — а бѣдно же ты живешь!

— По міру хожу.

— Я тебя сдѣлаю богатой. Сослужи мнѣ службу. Пойдемъ вмѣстѣ на улицу, тамъ я обернусь жеребцомъ, а ты меня веди на базаръ продавать и возьми за меня сто рублей. Самъ королевичъ меня купить. Только уздечку не продавай, себѣ оставь. Купить меня королевичъ — заколетъ меня. И когда меня будутъ колоть, возьми ведро, стань съ ведромъ подъ гортанью — хлынетъ кровь прямо въ ведро, и посѣй эту кровь передъ дворцомъ — вырастетъ садъ. А когда стануть рубить этотъ садъ, возьми съ земли первую щепку и кинь ее въ море.

Вышелъ Василій со старухой на улицу —
и сталъ жеребцомъ.

И повела старуха жеребца на базаръ.

Ѣдетъ королевичъ.

— Стой, старуха, продай жеребца.

Старуха продала жеребца, получила сто рублей и, богатая, пошла домой.

А царевна все знаетъ:

догадалась, что за жеребецъ.

— Если ты его не заколешь, ты меня не увидишь! — говоритъ королевичу.

И, какъ ни жаль королевичу, велѣлъ заколотъ жеребца.

Вывели жеребца на площадь передъ дворцомъ —

свалили колоть.

Услыхала старуха, вспомнила и пошла съ ведромъ на площадь.

Поставила ведро коню подъ горло.

— Что вы дѣлаете, жеребца такого колотъ? — жалко стало старухѣ коня.

— Хозяева приказали, такъ что намъ! — отвѣчали работники.

Да какъ рѣзануть его по горлу, кровь такъ и хлынула — и прямо въ ведро.

Старуха набрала полно ведро — и разсѣяла кровь передъ дворцомъ.

Поутру смотритъ королевичъ —
а около дворца садъ.

А царевна все знаетъ:

догадалась, какой это садъ.

— Садъ если ты не вырubiшь, меня не увидишь! — сказала она королевичу.

— Коня мнѣ жалко, а сада еще жальче: садъ больно хорошъ! — говорить королевичъ.

А она стоитъ на своемъ:

— Если не вырubiшь, меня не увидишь!

И покорился ей королевичъ — велѣлъ вырubiть садъ.

Услыхала старуха, вспомнила, потащилась на рубку.

— Что вы тутъ съ топорами пришли, — говорить работникамъ, — такой чудесный садъ?

— Хозяева приказали, такъ что намъ!

И какъ стали рубить —

изъ перваго дерева вылетѣла щепка наодалъ — —

Старуха подняла щепку —

и кинула ее въ море.

И сталъ изъ щепы селезень — всякое перышко въ серебрѣ.

Плавалъ селезень по морю.

Выходилъ народъ къ берегу, смотрѣлъ на диновинку.

А царевна все знаетъ:

догадалась, что за селезень.

— Застрѣли, — кричить королевичу, — застрѣли селезня, а не то не увидишь меня никогда!

Вотъ и вышелъ королевичъ на море и увидѣлъ селезня,
А селезень къ краю плыветь, покрякиваетъ.

И захотѣлось королевичу такъ поймать, живьемъ:

снялъ онъ съ себя все, вошелъ въ воду и ну селезня
руками ловить.

А селезень нырнетъ отъ него — и къ нему:

манить въ глубь.

Королевичъ и сталъ тонуть.

Селезень вспорхнулъ на берегъ —

и сдѣлался молодцомъ.

Вынулъ Василий изъ королевскаго платья кремень и
огниво, чиркнулъ разъ и два — до трехъ разъ — —

и выскочили три ухорѣза.

— Что насъ покликалъ, на какія работы?

— Сожгите весь городъ, только оставьте дворецъ да
избушку старухину! — приказалъ Василий.

И подожгли ухорѣзы —

у! какъ загорѣлось!

Съ берега смотрѣлъ Василий на огненное царство.

И показался ему старичокъ:

шелъ старикъ къ огню — вель царевну черезъ огонь.

— Ой, Никола милостивый! — взмолился Василий.

А старичокъ подвелъ къ нему царевну.

И огонь погасъ.

И благословилъ ихъ Никола милостивый чудотворецъ
на новую жизнь —

жить вѣрно въ любви.

Василій съ царевной вернулся въ полуночное царство
и стали они жить и быть.

И по смерти царя, наступилъ Василій Ломтевъ въ полуночномъ царствѣ царемъ.

СВѢЧА ВОРОВСКАЯ

Жиль-быль одинъ человѣкъ, а время было трудное, вотъ онъ и задумалъ себѣ промыслить добра, да недобрымъ дѣломъ.

Что у кого плохо лежитъ — не обойдетъ, припрячетъ, а то закупить дряни какой, выйдетъ купцомъ на базаръ и такъ заговорить ловко, такъ выкрутить, совсѣмъ тебя съ толку собьетъ и втридорога сбудетъ, — одно слово, воръ.

И всякій разъ, дѣло свое обдѣлавъ, Николѣ свѣчку не-сетъ.

Понаставилъ онъ въ церкви свѣчей, только его свѣчи и видно.

И пошла молва про Ипата, что по усердію своему первый онъ человѣкъ и въ дѣлахъ его Никола ему помощникъ.

Да и самъ Ипать-то увѣрился, что никто, какъ Никола.

***

И однажды хапнулъ онъ у сосѣда, да скорѣй наутекъ для безопаски. А тамъ, какъ на грѣхъ, хватились, да по слѣдамъ за нимъ въ догонку.

Бѣжалъ Ипать, бѣжалъ, выбѣжалъ за село, бѣжить по дорогѣ — вотъ-вотъ настигнуть! — и попадаетъ ему навстрѣчу старичокъ, такъ, нищій старикъ, побиральщикъ.

— Куда бѣжишь, Ипать?

— Ой, дѣдушка, выручи! Не дай пропасть, схорони: настигнуть, живу не бывать.

— А ложись, — говоритъ старикъ, — вона въ ту канавку.

Ипать — въ канаву.

А тамъ — лошадь дохлая.

Онъ подъ лошадь, въ брюхо-то ей и закопался.

Бѣгутъ по дорогѣ люди и прямо по воровскому слѣду.

А никому и не вдомекъ, да и мудрено догадаться:

канавка хоть и не больно глубока, да дохлятину-то
разнесло, что гора.

Такъ и пробѣжали.

Ипать и вышелъ.

И старичокъ тутъ же на дорогѣ стоитъ.

— Что, Ипать, хорошо тебѣ было въ сырости-то лежать?

— Ой, дѣдушка, хорошо, — чуть не захлебнулся!

— Ну, вотъ, видишь, захлебнулся! — сказалъ старикъ
и сталъ такой строгій, — а мнѣ, какъ думаешь, отъ твоихъ
свѣчей слаще? Да свѣчи твои, слышишь, мнѣ, какъ эта падаль!

И пошелъ такой строгій.

КАЛЕННЫЕ ЧЕРВОНЦЫ

Шель мужикъ лошадь продавать и хвалился:

— Кого хошь обдую: и умника и простого и святого, кого хошь!

И только это сказалъ онъ, а ему старичокъ навстрѣчу,

— Продай лошадку-то!

Посмотрѣлъ на него Кузьма: такъ, старикъ не изъ го-
дящихъ и разговаривать-то съ такимъ — время тратить.

— Купи.

— А сколько?

— Сто рублей.

— Да что ты, креста на тебѣ что ли нѣтъ? Конь-то твой
былъ конь, да съвзженъ, десятки не стоитъ.

— Ну, и проваливай, — огрызнулся Кузьма, — не по
тебѣ цѣна, не для тебя и конь!

И пошелъ.

И старикъ пошелъ, ничего не сказалъ, да остановился,
что-то подумалъ. И ужь догоняетъ.

— Уступи.

А тотъ молчить.

— Уступи, хоть сколько! — просить старикъ, не отстаетъ.

И вотъ-вотъ двинетъ его Кузьма: надоѣло.

— Ну, ладно, коли ужь такъ надо, бери сто! — сказалъ
старикъ и высыпалъ ему на ладонь червонцы.

А самъ сѣлъ на лошадь и прощай.

*

У Кузьмы въ глазахъ помутилось: червонцы!

И хотѣлъ онъ ихъ въ карманъ спрятать, а никакъ и не можетъ съ ладони ссыпать:

пристали къ ладони, не отлипають.

Бился, бился, — а ничѣмъ не отдерешь.

И жжетъ.

Отъ боли завертѣлся Кузьма — и ужъ едва до дому добрался.

И дома мѣста себѣ не находить: жгутъ червонцы.

Извелся весь. Ужъ кается, да ничего не помогаетъ — жгутъ червонцы, какъ угли каленые.

И вотъ совсѣмъ обезсилѣлъ и заснулъ.

И приснился ему сонъ:

«Иди, — говорить, — той дорогой, по которой шелъ продавать лошадь. Встрѣтишь того старика, покупай назадъ лошадь. Сколько ни спросить старикъ, давай».

*

Очнулся Кузьма.

Чуть свѣтъ вышелъ на дорогу — на свѣтъ ему поднять глаза трудно.

И жжетъ.

А старикъ-то и ѣдетъ.

Поклонился онъ старику.

— Продай, дѣдушка; лошадь-то!

Смотритъ старикъ, не признаеть.

— Лошадку-то продай, дѣдушка, мою! — едва слова выговариваетъ несчастный.

— Десять рублей, — сказалъ старикъ.

— Бери сто.

— Зачѣмъ сто? Десять.

И поѣхалъ.

Кузьма стоитъ на дорогѣ — въ пору волкомъ завывать.

Старику-то, видно, жалко стало, и вернулся.

— Ну, давай ужъ сто.

Обрадовался Кузьма — и въ ту же минуту отлипли червонцы, такъ и зазвенѣли, каленые, о холодный камень.

Нагнулся, собралъ въ горсть, глядь, а передъ нимъ старичокъ-то, какъ попъ въ ризахъ.

— Батюшка Никола угодникъ!

А старикъ стоитъ и такъ смотреть: броватый такой, а кротко.

— Прости родненькѣй!

— Ну, иди съ Богомъ, да не обманывай! — сказалъ старикъ.

И какъ не было.

И червонцы пропали.

Только лошадь одна.

РЕМЕЗЪ — ПТИЦА

Быль ремезъ не такой малый, быль ремезъ больше всѣхъ птицъ, а звонкій, звонче во всемъ бору не было птицы.

Тучей подходиль ремезъ къ городу, громкимъ громомъ ступаль на свой широкій дворъ. И быль онъ всѣхъ озорнѣе и всѣхъ обижалъ. И всѣ его страсть какъ боялись.

*

Вотъ ѣхаль разъ въ зимнюю пору Никола угодникъ. Ёдетъ себѣ лѣсомъ, поспѣшаетъ на удобное дѣло. А въ лѣсу шаловаль ремезъ, да какъ вылетитъ на дорогу, да какъ свистнетъ — перепугался конь Николинъ, рвануль:

сани на бокъ и прямо въ снѣгъ.

Поднялся Никола, пошелъ къ Господу Богу:

большая была досада на птицу.

— Я, Никола, я Твой угодникъ, — сказалъ милостивый Никола Господу Богу, — и на что попускаешь разбойнику этому: всѣхъ обижаетъ, коня моего напугаль, Сивку!

И просить у Бога управы на птицу.

И вняль Богъ: покараль шаловатую птицу —

отнялъ отъ ремеза силу,

а перья его раздалъ птицамъ на прибыль роста.

И сталъ ремезъ такой малою птицей.

*

И нынче у всякой птички, у всякой пичужки есть перышко,
хоть малое, отъ ремеза-птицы.

И за то ее всѣ любятъ.

И за то она первая птица — ремезъ.

ЗАДАЧА

Жиль-быль попъ благочестивый Наркись.

Всякаго въ приходѣ своемъ Никольскомъ зналъ попъ въ глаза и о всѣхъ имѣлъ заботу. И всѣ шли къ попу со своими горями и бѣдами, — любили попа.

А былъ попъ Наркись вдовый и только-что въ заботахъ и находилъ себѣ покой въ своей вдовой долѣ. Да была у него дочь Зинаида, въ городѣ училась, въ училищѣ, и о ней попъ когда говорилъ, то всѣмъ становилось весело.

Приѣдетъ на праздникъ къ отцу Зинаида, тоненькая такая и голосъ тихій, а какъ начнетъ ввечеру догматики знаменнымъ распѣвомъ пѣть на разные гласы, до слезъ проймаетъ.

Слушаетъ попъ Наркись Зинаиду и самъ пѣть примется.

И до того въ домѣ у нихъ хорошо да привѣтливо: зайдетъ ли кто посидѣть, поговорить съ попомъ по душѣ, и уйдетъ домой, какъ и горя не было.

Ну, а бѣсамъ это и непріятно: имъ непременно, что разъ ты попомъ сдѣлался, такъ изволь все наоборотъ, — и попить, и буянить, и чтобы въ карты и худыми дѣлами всякими заниматься на соблазнъ людямъ и осужденіе.

И возненавидѣли бѣсы Наркиса и затѣяли проучить его по своему — чтобы былъ имъ попъ слугою вѣрнымъ.

*

И вотъ на святкахъ, въ полночь, когда попъ, окончивъ спальныя молитвы, собирался укладываться, ворвались они

къ нему въ домъ — и пошелъ по покоямъ и на кухнѣ и стукъ и шумъ.

— Отдавай, — говорятъ, — дочь Зинаиду, а не то силой возьмемъ!

Перепаль попь, не знаетъ, что съ ними и дѣлать. И одно просить — потерпѣть до слѣдующей ночи, чтобы подумать.

Бѣсы согласились.

Имъ пока и того довольно, что заробѣлъ попь:

известно, съ заробѣлымъ человѣкомъ что хочешь сдѣлать можно, на какую-угодно гадость толкнуть заробѣлаго-то можно, до петли довести и совсѣмъ безъ подпиха.

— Старайся, ребята, — сказалъ бѣсъ главный бѣсамъ, — попь Наркисъ ужъ на половину нашъ, а завтра будетъ нашъ съ головкой.!

И отошли бѣсы.

А попь, какъ очнулся, сталъ на молитву и молилъ у Бога — просилъ Николу вразумить его: оградить отъ бѣсовъ любимую дочь его Зинаиду.

И до утра все молился, да такъ на молитвѣ, стоя, и задремалъ.

И вложилъ ему въ умъ Никола угодникъ:

«Явится къ тебѣ дьяволъ, задай ему задачу, чего онъ справить не можетъ. Да пѣтушка припаси на случай».

*

Пошелъ попь въ церковь, а самъ все думаетъ —
какая такая задача бѣсу не подъ силу?

Думалъ, думалъ, да осмотрѣлся и надумалъ.

И когда въ полночь они снова явились со стукомъ, громомъ и шумомъ:

— Отдавай намъ свою дочь Зинаиду!

Попъ Наркисъ имъ отвѣтилъ:

— Если вы, бѣсы, можете до свѣта соорудить церковь, я вамъ отдамъ дочь.

Заготовили бѣсы:

«Эка, попъ-то глупый! И не такое мигомъ сработаютъ, а то церковь до свѣта!»

А главный бѣсъ говоритъ Наркису:

— Покажите намъ, батюшка, мѣсто.

Попъ съ ними вышелъ на улицу, указаль, гдѣ строить, а самъ въ домъ вернулся.

И закипѣла работа.

И куда еще до разсвѣта, а ужъ церковь до потолка поставлена и иконостасъ готовъ!

Бѣсы старались, работали.

А попъ съ пѣтушкомъ ладиль:

чикуталь ему подъ бородушкой его шелковой,
чтобы очнулся пѣтушокъ и запѣлъ.

И къ свѣту ближе пѣтухъ запѣлъ.

И рухнула церковь безкрестная.

И, кто куда, разсѣялись бѣсы.

Такъ ничего и не взяли.

А попъ Наркисъ еще тверже сталь въ своей жизни — въ заботахъ, бѣсамъ на пушующую досаду.

ЗАРЯ ПЕРЕГОРЪЛАЯ

Мало мы чего знаемъ, и понятіемъ, къ чему что, не больно богаты, а помолчать, когда чего не знаемъ, на это насъ нѣтъ.

*

Пахаль Антонъ пашню, измаялся. И вечеръ сталъ, заря перегорѣла, а Антонъ все пашеть.

И попадается ему навстрѣчу старичокъ:

смотреть куда-то, будто о чемъ задумалъ.

— Скажи, — говорить, — Антонъ, къ чему это заря перегораеть?

— Да къ ненастью, старинушка, — отвѣтилъ Антонъ. Старикъ его за руку да черезъ оглоблю.

Перевель черезъ оглоблю — оборотилъ конемъ и ну на немъ землю пахать.

Перегорѣла заря, звѣзды небо усѣяли, мѣсяцъ вона гдѣ сталъ, когда кончилъ старикъ пахать — а это самъ Никола былъ угодникъ.

И ужъ еле поплелся Антонъ съ поля домой.

*

На другой день пашеть Антонъ, и опять ему старичокъ навстрѣчу.

— Ну, Антонъ, къ чему заря перегораеть?

А день стоитъ свѣтлый да теплый.

Туть Антонъ — вчерашнее-то ему ой какъ засѣло! — и повинился, что не знаетъ.

— То-то, не знаешь, а коли чего не знаешь, о томъ помолчи! — сказалъ старичокъ и пошелъ.

Пошелъ Угодникъ уму-разуму учить насъ, на думу лѣнливыхъ, —

гнѣвный — карать неправду,
милостивый — жалѣть
и собирать насъ, разбродныхъ.

ГЛУХАЯ ТРОПОЧКА

Жили сосѣди, два охотника, и такіе пріятели, водой не разольешь, ходили за охотой, тѣмъ и жизнь свою провождали.

Идутъ они разъ лѣсомъ, глухой тропочкой, повстрѣчался имъ старичокъ.

И говорить имъ:

— Не ходите этой тропочкой, охотники.

— А что, дѣдушка?

— Тутъ, други, черезъ эту тропочку лежитъ змѣя превеликая, и нельзя ни пройти, ни проѣхать.

— Спасибо тебѣ, дѣдушка, что насъ отъ смерти отвелъ.

Старикъ пошелъ — не узнали, за простого человѣка сочли, а это былъ самъ Никола милостивый угодникъ.

Постояли охотники, подумали.

— А что, — говорятъ, — намъ какая вещь: змѣя! Не съ пустыми руками, звона добра-то! Какъ не убить змѣю?

*

Не послушали старика, пошли по тропочкѣ и зашли въ дремучую чащу.

А тамъ превеликій бугоръ казны на тропочкѣ.

И разсмѣхнулись пріятели:

— Вонъ оңъ что, старый хрѣнъ, насказаль! Кабы мы послушали его, оңъ бы казну и забралъ себѣ, а теперъ намъ ея не прожить!

Сѣли и думаютъ, что дѣлать:

ужь больно велика казна, на себѣ не дотащишь.

Одинъ и говорить:

— Ступай-ка, товарищъ, домой за лошадь, на телѣгѣ ея и повеземъ. А я покараулю. Да зайди, братъ, къ хозяйкѣ моей, хлѣбца кусочекъ попроси: ѣсть что-то хочется.

*

Пошелъ товарищъ домой, приходитъ домой, да къ женѣ:

— Тутъ-то, жена, что намъ Богъ-то далъ!

— Чего далъ?

— Кучу казны превеликую: намъ не прожить, да и дѣтямъ-то будетъ и внучатамъ останется. Затопи-ка поживѣ печь, замѣси лепешку на ядѣ, на зельѣ. Надо: пріятеля угощу.

Ну, баба смекнула, ждать себя не заставила: живо лепешка поспѣла на ядѣ, на зельѣ. Завернула лепешку, положила ему въ сумку.

Запрягъ онъ лошадь и поѣхалъ.

А товарищъ тамъ, сидючи надъ золотой кучей, о своемъ раздумался, зарядилъ ружье и думаетъ:

«Вотъ какъ пріѣдетъ пріятель, я его и хлопну — всѣ деньги-то мои будутъ! А дома скажу, что не видѣлъ его!»

Подѣзжаетъ къ нему пріятель, тутъ онъ прицѣлилъ — да хлопъ его.

А самъ къ телѣгѣ, да прямо въ сумку — проголодался очень! — лепешечки поѣлъ — — и тоже свалился.

А казна такъ и осталась никому.

ЗАЯЦЬ СЪБЛЪ

Хорошъ былъ для міру кузнецъ: въ кузницѣ работаль, за работу ни съ кого не бралъ, кто что дастъ только.

За своего пошелъ кузнецъ среди бѣдноты, всѣ его очень любили. Узнали и чужестранные, стали ѣздить на праведнаго кузнеца посмотрѣть.

И жилъ кузнецъ хорошо и спокойно, ни въ чемъ нужды не зналъ и всѣмъ былъ доволенъ.

Вотъ и приходитъ къ нему разъ старичокъ какой-то:
это самъ Никола угодникъ пришелъ испытать его!

— Что, — говорить, — кузнецъ, какъ ты работаешь, за какую работу что берешь?

— Кто что дастъ.

— Какая это твоя работа! Пойдемъ со мной: я лѣкарь. И братъ ничего не будемъ, а денегъ большихъ добьемся.

Подумаль кузнецъ, подумаль — чего жъ не пойти, коли такое дѣло: и міру польза, и душѣ не обида!— и согласился.

*

И они пошли.

А взяли они съ собой въ дорогу одинъ кошель съ хлѣбомъ—
а хлѣба тамъ всего-то по такому кусочку.

Старикъ ходко идетъ, и хоть бы что! А кузнецъ едва ужъ ноги тащить: и усталъ, и ѣсть захотѣлъ.

Наконецъ-то старичокъ вздумаль сѣсть отдохнуть.

Тутъ кузнецъ за кошель, — развязаль кошель, вынулъ по кусочку.

Старикъ и къ хлѣбу не притронулся — въ кошель назадъ положилъ, всталъ себѣ да въ сторонку, за хворостомъ, хворосту посбирать.

А кузнецъ весь хлѣбъ свой съѣлъ — ѣсть еще больше хочется! — съѣлъ и старичка хлѣбъ. Да чтобы концы въ воду, кошель и закинулъ. Легъ и заснулъ.

Будить старичокъ.

— Гдѣ, говорить, — кошель?

— Не знаю.

— Гдѣ хлѣбъ?

— Гляди, заяцъ съѣлъ!

Заяцъ, такъ заяцъ, ничего не подѣлаешь.

Старичокъ только смотреть — —

И хочется кузнецу правду сказать, да какъ сказать:

вѣдь всего этакій кусочекъ съѣлъ!

— Ну, ладно, пора за дѣло. Пойдемъ къ морю, за моремъ царь живетъ, у царя дочь больна: вылѣчимъ царевну.

И дошли они до моря, а лодокъ нѣтъ.

Айда по морю. Кузнецъ едва поспѣваетъ.

Середь моря зашли, сталъ старикъ.

— Кузнецъ, ты съѣлъ мою долю?

— Нѣтъ.

И сталъ кузнецъ по колѣно въ водѣ.

— Не ты?

— Нѣтъ.

Старичокъ посмотрѣлъ — —

А у кузнеца сердце упало: признаться бѣ, да какъ признаешься —

вѣдь всего этакій кусочекъ!

— Ну, пойдемъ.

*

Вышли они на берегъ и сказались, что лѣкаря:
нѣтъ ли больныхъ гдѣ?

— У царя, — говорятъ, — три года царевна хвораеть, никто не могъ вылѣчить.

Донесли царю.

И сейчасъ же царь пришлыхъ лѣкарей призвалъ.

— Можете вылѣчить дочь?

— Можемъ, — сказалъ старичокъ, — отведи намъ особую комнату на ночь, да изъ трехъ колодцевъ принеси по ведру воды. Наутро за ночь здрава будетъ.

Отвель имъ царь комнату, самъ и воды принесъ.

И остались они съ хворой царевной.

Старикъ разрѣзалъ ее на-четверо, разложилъ куски, перемылъ водой и опять сложилъ, водой спрыснулъ — царевна стала здрава.

Кузнецъ глядитъ — глазамъ не вѣрить.

Наутро стучитъ царь съ царицей.

— Живы ли?

— Живы.

— Ну, слава Богу.

Взялъ царь лѣкарей въ свою главную палату, угостилъ ихъ и открылъ передъ ними сундуки съ казной:

одинъ сундукъ съ мѣдью,

другой съ серебромъ,

третій съ золотомъ.

Бери, сколько хочешь!

— Что, — спрашиваетъ старикъ кузнеца, — доволенъ деньгами?

— Доволенъ, — говоритъ, — доволенъ.

— И я доволенъ.

Попрощались съ царемъ и пошли изъ дворца — понесли казну большую.

*

— Пойдемъ, — сказалъ старикъ, — къ купцу, купцова дочка хвораеть: вылѣчимъ `ее, еще больше денегъ дадутъ.

А купецъ ужъ идетъ, кланяется.

— Вылѣчите, дочь больна!

— Вылѣчимъ, — сказалъ старикъ, — отведи намъ особую комнату на ночь, да изъ трехъ колодцевъ принеси по ведру воды. Наутро за ночь здрава будетъ.

Натаскаль купецъ воды, привелъ дочь, оставилъ съ ними.

Старикъ говоритъ кузнецу:

— Видѣль, какъ я дѣлалъ?

— Видѣль.

— Ну, дѣлай, какъ я.

Кузнецъ разрѣзалъ купцову дочь, а сложить не можетъ.

И до разсвѣта бился, — ничего не можетъ.

Старикъ видитъ, кузнецово дѣло плохо, взялъ, сложилъ куски, водой sprysнулъ — стала купцова дочка здрава.

Стучить отецъ.

— Живы ли?

— Живы.

— Ну, слава Богу.

И угостилъ ихъ купецъ и денегъ далъ.

Старикъ за деньги не брался, а бралъ кузнецъ, и напихалъ полную пазуху бумажекъ — фунтовъ десять.

— Довольны?

— Довольны, хозяинъ.

*

Простились съ купцомъ и пошли къ Волгѣ въ кузнецово село.

Старичокъ и говоритъ:

— Давай, кузнецъ, деньги дѣлить. Я отъ тебя уйду, а ты домой ступай.

И началъ кузнецъ раскладывать казну на двѣ кучки — тому куча и другому куча. Самъ раскладываетъ, а самому такъ глаза и жжетъ: вотъ подвернется рука и себѣ переложить.

— Что, кузнецъ, раздѣлилъ?

— Раздѣлилиъ.

— Поровну?

— Поровну.

— Ты у меня не украдь ли?

— Нѣтъ.

— Бери себѣ всѣ деньги, только скажи мнѣ: это ты тогда съѣлъ кусочекъ или заяцъ?

— Я не ѣлъ твой кусочекъ!

И сталъ кузнецъ по колѣна въ землѣ.

— Скажи, не ты ли? Деньги мнѣ не надо, все твое.

— Нѣтъ!

И сталъ кузнецъ въ землѣ по-шеюку.

— Когда ты неправду говоришь, такъ провались ты въ преисподнюю отъ меня!

Кузнецъ и провалился — и деньги за нимъ пошли.

СМЕТАНА

Попъ Никаноръ только и гадалъ, съ попадьей, какъ бы дочь повыгоднѣе устроить — выбрать себѣ поладнѣе зятя, мѣсто ему передать и самимъ жить на покоѣ.

Ѣздили въ домъ къ попу женихи, и ни одинъ не былъ по сердцу.

Одинъ былъ поповой дочкѣ милъ — поповъ работникъ.

И, узнай о томъ попъ, проклялъ бы дочь, да и мать не больно потакнула бь.

Тайно отъ отца, отъ матери они о своемъ гадали — какъ имъ въ любви свою жизнь устроить.

Попова дочка работника всякій день сметаной прикармливала:

принесеть въ его каморку, поластится, пока тотъ ѣсть, и пойдетъ опять къ себѣ.

До сметаны-то Федоръ большой былъ охотникъ.

*

И дозналась попадьа, что стала пропадать сметана, а куда дѣвается, не знаетъ — и на того думала, и на другого— нѣтъ, не знаетъ навѣрно, и говорить попу:

— Чтой-то у насъ, отецъ, сметана теряется!

— А ты, мать, накопи ведерко, я въ церковь снесу на сохраненіе, тамъ никто не съѣстъ.

Накопила попадьа ведерко. Снесъ попъ сметану въ церковь, поставилъ передъ образомъ Николы, заперъ церковь и пошелъ домой.

А работникъ безъ сметаны-то и возропталъ.

— Ахъ, — говорить, — любушка, чегой-то ты меня и сметанкой-то нынче не полакомишь!

— Да откуда я возьму! Папаша сметану въ церковь снесъ, къ Николѣ поставилъ на береженіе.

— А достань мнѣ хлѣба да ключи, я сама тамъ управлюсь.

До сметаны-то Федоръ большой былъ охотникъ.

Ну, она ему и хлѣба принесла и ключи.

Онъ и отправился въ церковь.

Наѣлся тамъ всласть — все ведроко слопалъ.

Да чтобы концы схоронить, взялъ да у образа Николы на ликѣ-то усы и вымазалъ, и на бороду накапалъ и на грудь накапалъ.

Заперъ церковь и домой, сама облизывается:

«Ужъ то-то сметана-то вкусная!».

*

Подошла суббота, пошелъ попъ Никаноръ въ церковь всенощную служить, да какъ взглянетъ на образъ, — а образъ-то весь въ сметанѣ.

А ведро пусто.

— А вотъ оно что! Грѣшилъ на того и другого, а эво кто сметану-то ѣсть!

Да икону объ-полъ.

Икона и расколосась.

Попъ схватилъ ведро и домой —
забылъ и про всенощную.

— Ну, мать, я икону расколосъ: сметану ѣсть! Только ротъ закрыть поспѣлъ, утереться не могъ, весь въ сметанѣ.

— Не ладно ты сдѣлалъ, отецъ, — испугалась попадья, — икону расколосъ, тебя разстригутъ.

И давай попа отчитывать.

Попъ и опомнился: понялъ, что неладно сдѣлалъ, да ужъ ничѣмъ не поправишь.

— Испеки мнѣ, мать, подорожниковъ, я лучше сбѣгу.

И какъ ни уговаривала попадья, не послушалъ попъ — куда ему теперь, все равно разстригутъ! — сталъ на своемъ:

— Сбѣгу да сбѣгу.

Напекла ему попадья подорожниковъ.

И пошелъ попъ, куда глаза глядятъ.

*

Шель попъ Никаноръ по дорогѣ, — подорожники его прибрались, самъ изодрался весь, изрванился, — шель попъ, кричалъ къ Богу:

— Пропаль я, пропаль совсѣмъ!

И увидѣлъ Никаноръ, идетъ ему навстрѣчу старичокъ такой бѣлый.

Поровнялся старикъ съ попомъ.

— Куда, попъ, пошелъ?

А Никаноръ ему все и рассказалъ:

и какъ съ попадьею гадали дочь устро ты,

чтобы самимъ на покоѣ жить,

и какъ сметану поставилъ въ церкви передъ образомъ,

и какъ Никола сметану съѣлъ,

и за то расколлъ онъ икону

и идетъ теперь, куда глаза глядятъ.

— Пропаль я, пропаль совсѣмъ!

Слушалъ его старичокъ ласково.

— Иди домой, попъ, вотъ что! Икона-то цѣла, не разстригутъ тебя. Только не говори напередъ, будто сметану я съѣлъ. Сметану съѣлъ твой работникъ Федоръ. А ты придешь домой, работника-то не наказывай, а жени его на своей дочкѣ, — это счастье ихъ. Да знай, только въ ихъ счастье и себѣ покой найдешь и старухъ своей!

И благословилъ попа пропадаго и пошелъ себѣ дорогою Милостивый Угодникъ нашъ.

ДОЛЯ

Ѣхаль казакъ къ царю съ вѣстями, везъ царю три слова:
первое слово — о помощи Божьей,
второе — измѣна,
третье — надежду.

Ѣдетъ онъ ночью лѣсомъ. Отъ дерева до дерева свѣтять ему звѣзды.

И видитъ:

подъ елью что-то бѣлѣеть.

И конь почуяль:

непростое!

Подѣхаль казакъ поближе, смотреть —

сидитъ старикъ подъ елью и вяжетъ лыко,
старый-престарый такой.

— Что это ты тутъ, дѣдушка, дѣлаешь? — остановился казакъ.

— Али ослѣпъ? Лычко вяжу.

— А для чего тебѣ лыко вязать?

— А вяжу я лычко — вяжу долю людскую.

— Лыко худое вяжешь съ добрымъ...?

— А такіе люди на свѣтѣ: одни добрые, другіе худые.

И надо соединить ихъ: чтобы худые были съ добрыми, а добрые съ худыми.

— А зачѣмъ же такъ?

— А затѣмъ, чтобы шла жизнь на землѣ: соедини ты худыхъ съ худыми — и всякая жизнь прекратится, а соедини однихъ добрыхъ — и Бога забудутъ.

— Дѣдушка, кто ты такой?

— Да я, сынокъ, Никола.

Казакъ слѣзъ съ коня.

— Помолись за насъ, Милостивый Никола.

И старикъ поднялся.

— Ну, поѣзжай, казакъ, съ миромъ.

И казакъ поѣхалъ.

Ѣхалъ казакъ всю-то ночь — по звѣздамъ, везъ царю три слова, а четвертое слово — самое большое — милость Николы.

ЗА РОДИНУ

Три стороны тебѣ воля — иди куда хочешь, гуляй во всю,
а въ четвертую — ни по-ногу, своихъ не трожь:
за родину проклянетъ народъ.

*

Гуляль Разинь, разбойничаль — вострая сабля въ рукахъ,
за плечами ружье — охотничаль разбойничекъ: дикая птица,
двуногая, съ руками и съ буйной головой добычей была.
Ухачи-воры — товарищи. Гдѣ что попадалось, все тащилъ,
зря не бросаль, и не проглядываль, что висло висѣло. И былъ
у него большой домъ — таборъ разбойный, и хлѣба и одежды
и казны вдоволь, полны мѣшки серебра.

Съ молоду было — лизнулъ онъ камень завѣчный и гсе
узналъ, что на свѣтѣ есть. И не зналъ уже страха. И не было
на свѣтѣ такого, кто бы погубить его могъ и ни пуля, ни сабля—
ничто не возьметъ. И Саропскій лѣсъ приклонился предъ нимъ
до земли.

Гуляль Разинь, разбойничаль — Турецкое царство раз-
билъ, Азовское море и море Каспійское въ грозѣ держаль.

И полюбилъ народъ Разина за гульбу и вольность:
отместить разбойничекъ обиду народную!

Ночь ли темная или напрасная кровь замутили разбой-
ную вольную душу: нарушилъ Разинь завѣтъ родителей —
пошелъ на своихъ, своихъ сталъ обижать, не пройти, не про-
ѣхать по Волгѣ, замаяль.

И вышелъ у народа изъ вѣры.

*

Три стороны тебѣ воля — иди куда хочешь, гуляй во всю,
а въ четвертую — ни по-ногу, своихъ не трожь:
за родину проклянетъ народъ.

*

Вотъ онъ съ разбою ѣхаль по Волгѣ.

Никто его не встрѣчаетъ, одинъ страхъ стоитъ по Волгѣ.

Мимо Болгарь проѣзжалъ, про прежнюю вспомнилъ —
про свою первую пощаженную встрѣчу.

Что-то скучно ему.

«Дай-ка зайду!»

Вышелъ Разинъ изъ лодки, завернулъ къ купцову полу-
каменному дому:

было когда-то въ домѣ веселье,
знаваль и разгулку.

Отворила дверь сама Маша.

Смотрить она, глазамъ не вѣрять:

«Стенюшка ли это милый?»

— Что, Егоровна, али старъ ужъ сталь? Съ Жегулиной
горы гость къ тебѣ.

Посидѣли молча — и вспоминать не надо.

— Что-то мнѣ скучно, Маша.

А она только смотреть — —

вспоминать не надо!

И вспомнила — обиду вспомнила и простила,
за себя простила.

И другую вспомнила обиду — и не простила.

— Истопи мнѣ, Машенька, баню, какъ бывало.

— Ладно.

И хоть бы глазомъ моргнула, — камень.

Истопила баню, снарядила въ послѣдній разъ дружка, а сама на село.

— Стенька парится въ банѣ! — кричала на все село.

Вбулчалъ старшина, нарядили народу;

кто съ дубиной,

кто съ топоромъ,

кто съ косой,

кто съ ружьемъ.

Тамъ гваль — тутъ гамять.

— Давай его сюда!

— Иди къ нему!

— Чего глядишь-то!

— Тащи его!

А ни съ мѣста.

А проходилъ селомъ странникъ, старичокъ такой бѣлый.

— Что у васъ за собраніе? — спрашиваетъ старикъ.

— Хотимъ Стеньку Разина изловить.

Посмотрѣлъ старикъ, покачалъ головой.

— Гдѣ вамъ, братцы, его пымать! Развѣ мнѣ.

Поумолкли.

Снялъ старикъ шапку, трижды перекрестился. И пошелъ къ купцову полукаменному дому.

Подошелъ къ банѣ.

Тихимъ голосомъ сказалъ:

— Степанъ!

Громко отвѣтилъ Разинъ:

— Старый хрѣнь! Не даль ты мнѣ помыться,

А ужъ значить судьба:

дѣлать нечего, сталъ собираться.

И вышелъ Разинъ изъ бани.

Поглядѣлъ на всѣ стороны, перекрестился. И пошелъ за старикомъ.

Тихимъ голосомъ сказалъ старикъ:

— Старшина, давай подводу!

Не галдѣлъ народъ.

Какъ стояли, такъ и замерли:

кто съ дубиной,
кто съ топоромъ,
кто съ косою,
кто съ ружьемъ.

Посадила старикъ разбойника въ телѣгу, самъ впереди сѣлъ — и съ Богомъ.

Такъ и привезъ въ городъ:

— На-те вотъ вамъ разбойника Разина въ каземать.

Сбѣжался народъ.

Топчутся, не знаютъ, какъ и подступить.

Исправникъ говорить:

— Надо въ желѣзо его.

Побѣжали за кандалами. Принесли кандалы. Заковаль его кузнецъ.

Разинъ тряхнулъ ногой —

и кандалы прочь полетѣли.

— Глупые, не поможетъ тутъ желѣзо! Дайте я его свяжу.

Взялъ старикъ моченое лыко — ноги и руки лыкомъ связаль.

— Ну, готово, теперь ведите.

Разинъ посмотрѣлъ на старика:

— Прости, дѣдушка!

А старикъ будто не слышитъ.

— Прости, дѣдушка!

Старикъ нахмурился.

— Прости меня! — въ третій разъ сказалъ Степанъ.

Поднялъ посохъ старикъ.

— Не прошу!

И пошелъ такой строгій, не простой, бѣлый странникъ, не оглянулся — пошелъ по дорогѣ туда, гдѣ тихо поля родныя разстилаются и лѣсъ нагрозился.

Милостивый нашъ Никола,
гдѣ бы Ты ни былъ,
явись къ намъ!
Скажи Спасу о нашей тяжелой страдѣ,
умири ильинскій огонь,
заступи, защити русскую землю!
Благослови русскій народъ великимъ
благословеньемъ своимъ
на новую грядущую жизнь!

ЖЕРЛИЦА ДРУЖИННАЯ

къ картинама Н. К. Рериха —

ГРАДЪ - КАМЕНЬ РЕРИХА

Изъ-за Варяжскаго моря дыбучими болотами, лядинами, дикой корбою, показался на Руси мужъ, какъ камень, съ кремнемъ и плашкой, высъкъ жаркй огонь и сотворилъ себѣ градъ — камень.

И на версты вокругъ города сталь отъ жаркихъ костровъ жаркой цвѣтъ.

А тронъ его изъ алаго мха,
царскй вѣнецъ изъ луннаго ягеля,
мечъ и щитъ изъ гранита.

За морями, за туманами шла молва о пропавшемъ викингѣ,
скальды сагу сложили, великаны вспоминали —
что подолгу нѣтъ, не видать?
и сѣдой Морунъ надъ волнами по волнамъ гадалъ —
а не вернется ужъ,
никогда не вернется на родину!
и самъ звѣрюгъ змѣй Облемай, зеленъ зеленѣ морской муравы,
на ночь облизавъ холодныхъ дѣтенышей, сказывалъ слѣпы-
шамъ долгй сказъ о смѣломъ викингѣ, ушедшемъ на Русь:

«А тронъ его изъ алаго мха,
«царскй вѣнецъ изъ луннаго ягеля,
«мечъ и щитъ изъ гранита.

Изъ-за Варяжскаго моря змѣиными тропами пришелъ на Русь мужъ, какъ камень, и жилъ въ своемъ каменномъ городѣ.

Въ осеннія синія сумерки онъ подымался на башню — и синѣли глаза его въ сумрачной сини:

за три моря видѣли.

А ночами лапландскіе нойды при мѣсяцѣ ворожили съ нимъ надъ каменнымъ поясомъ — заклинали вѣтеръ и волны.

И на версты вкругъ города отъ жаркихъ костровъ горѣлъ жаркой цвѣтъ.

Какъ свой на Руси, строилъ онъ Русскую землю.

Со Святославомъ ходилъ на Царьградъ —

и не забыть ему ночи, когда подъ Покровъ надъ Влахернскою церковью вдругъ пеленой загорѣлся жарящій огонь, ангель сталъ надъ огнемъ, какъ крылатый огонь, и летѣли синія стрѣлы на море, жгли русскіе корабли.

Онъ слышалъ, какъ вопилъ Перунъ на всю крещенную Русь въ Новѣгородѣ и на Волховѣ бился о бервь.

И видѣлъ онъ, какъ изъ-за Уральскихъ горъ прошли угры по Русской землѣ и, темные, канули за Карпаты.

Онъ былъ на Каялъ-рѣкѣ съ полкомъ Игоря, сына Святослава, внука Ольгова —

и не забыть ему плача и жели, когда измѣна русскихъ князей отворила врагу ворота на Русскую землю.

Прошелъ вѣкъ и другой — — и, подъ камнемъ, снѣгомъ заваленный, слышалъ онъ, какъ грозный царь гулялъ по Руси.

И послѣдняя память погинула.

Черезъ сколько вѣковъ — вотъ и опять показался онъ на Руси, но не съ моря Варяжскаго, а изъ Костромы города, а сѣлъ въ Петербургѣ на Мойкѣ —

ужь не Рюрикъ,
какъ величали его въ Новѣгородѣ,
а Рерихъ.

И, какъ когда-то, онъ построилъ свой каменный городъ.

Вспомнилъ, какъ сонъ, и разсказалъ о камняхъ, о морѣ, о моряхъ, гдѣ плавалъ съ дружиной, о великанахъ, о змѣѣ, о нойдахъ, объ ангелѣ грозномъ, и какъ строилась Русь, и какъ измѣна русскихъ князей отворила врагу ворота на Русскую землю.

Синь его отъ сини сѣверныхъ сумерокъ.

Зелень отъ морской муравы.

Жаркой цвѣтъ отъ жаркихъ костровъ.

Пламя отъ пламени стрѣлъ цареградскихъ.

Онъ построилъ свой каменный городъ, просторный, какъ просторное море, и вольный, какъ вольность Господина Великаго Новгорода.

И жаркой цвѣтъ отъ жаркихъ костровъ загорѣлся по Русской землѣ.

1915 г.

ГОРОДЪ СТРОЯТЬ

Красень красный вѣковой боръ!

— шумять думные кедры —

не двинется, не шелохнется;

и лишь падаютъ шишки къ замшилымъ корнямъ, да живая
каплетъ смола съ молодыхъ елокъ.

Полднемъ, какъ въ полночь.

Только тамъ, межъ вершинъ, видно ясное небо — и гу-
ляетъ вѣтеръ-вершинникъ.

На угорѣ дремучь боръ.

— шумять думные кедры —

*

Въ заповѣдное, гдѣ жила человѣчья не бластилось, и
самъ дебренный звѣрь загужался,

пришли бѣлые старцы,

а за старцами бѣлой станицей чадь съ топорами.

Сномъ не вѣдали сосны —

На-вѣсти елямъ не провѣстилъ вершинникъ —

А какъ забуранить!

— подъ топоромъ пласнулась ель —

— бахнулась съ шумомъ сосна —

Въ чащѣ верескъ и трескъ.

— и шумѣли, шумѣли думные кедры —

*

Порѣдѣль дремучь борь нехожанный.
На зарѣ прошла просѣка —
и желтѣль песокъ у холоднаго моря.
Потянуло съ холоднаго моря —
бѣлая береза заплакала.

Гдѣ скрыть темная? Нѣтъ провалища!
Раставрался борь.

*

На вольготѣ — склоть, день-деньской копошатся.
Тамъ рыли канавы, взрывая вѣковой черноземъ; по сереб-
рушку срубы вели, клали вѣ-крестъ вѣнцы башень; сводили
крыши вѣ стрѣлу.
И одалъ отъ холоднаго моря тянулись на шнякахъ и
баркахъ великіе бѣлые камни —
основа твердыни великой Россіи.

Ужъ оживали стѣнныя укрѣпы и башни.
Башни расщурили темныя очи —
и вѣ бойницахъ мелькаль глазъ человѣчій.
— а надъ башнями рѣяли черныя птицы —

1915 г.

ЗЛОВЪЩЕЕ

— почувлось ли мнѣ, слышалось —

Дуй, не стой, вѣтеръ! Кипи, пѣнься, застонай, холодное море!

Хотятъ зарѣшить тебя, Русская земля —

хотятъ выкопать глаза твои кроткіе —

Полая ты стоишь, запростали мѣста измѣною.

Забѣдно мнѣ, кровь во мнѣ болитъ русская о тебѣ,
моя родина!

Вѣдь и нынѣ, какъ изстари, старые русскіе князья продаютъ тебя половцамъ недругамъ —

А съ ними кто еще не охочъ?

— недолукій, шохомъ скрывающійся отъ опасности, съ сердцемъ, какъ черствая коковка,

— наброжье несчастное,

— русскій невѣръ, забывшій крестъ на груди, изгиляющійся надъ твоимъ именемъ,

святая Русь, надъ словомъ твоимъ русскимъ,

— чернедь безпрокая,

— колотырники, набивающіе карманъ себѣ народной казной, —

вы всѣ заодно, всѣ вы измѣнники, всѣ вы продаете — горе вамъ, горе! — заповѣдную Русь въ сей злой и напастный часъ.

ГОРОДЪ ОБРЕЧЕННЫЙ

Тайкій, какъ постень, напрасный
онъ приползъ въ пустополе подь городъ —
кто же его чуяль?
и чье это сердце въ тоскахъ заняло?
онъ приползъ въ пустополе,
обогнулъ бѣлую стѣну —
на башняхъ огни погасли
и не били всполохъ!
обогнулъ онъ бѣлую стѣну
и бѣлыя башни,
выглохталъ до-капли воду въ подземныхъ колодцахъ
и, стонотный,
туго стянулся кольцомъ,
скрестивъ голову-
хвостъ.

Очи его — озерина,
шкура, какъ нетина-зелень,
тяжки вольной пошевелки.

Обреченный, въ западяхъ у змія, стоялъ обложенный
городъ.

А еще долго никто ничего не знаетъ и не чуетъ бѣды —
люди пили и ѣли,
женились и выходили замужъ.

И когда пришелъ часъ, забили въ набать —
а уже никуда не уйти!

Я помню — забыть не могу! — какъ дѣти голодныя въ ямахъ плачуть, спрятались отъ страха въ ямы, босыя, дрожать, боятся, голодныя и такъ жалобно плачуть —

а я ничѣмъ не могъ имъ помочь!

и помню еще, какъ полуживой въ грудѣ мертвыхъ смотрѣлъ на меня и рукой звалъ —

и ему я не могъ помочь!

и еще помню, какъ ползъ ко мнѣ съ перебитыми ногами и просилъ пить — —

я помню раненую лошадь, какъ стояла она и плакала, какъ человѣкъ, и потомъ упала и плакала крупными слезами и тихо стонала, какъ человѣкъ — и помню собаку — душу надрывала она своей тоской — я ее звалъ, давалъ ѣсть, а она даже и не смотрѣла на ѣду, она сидѣла на своемъ дворѣ, гдѣ все сожжено.

Гарючь песокъ въ пустопольѣ.

Смертоносно дыханіе.

Шума вѣтра не слышно.

И лишь отъ зноя хрястають камни.

Горе тебѣ, обреченный! —

ты ли виною

или терпишь за чужую вину —

Горе тебѣ, обреченный!

Очи его — озерина,

шкура, какъ нетина-зелень

тяжки волной пошевелки.

И отъ очей его больно

и холодъ на сердцѣ

и нѣтъ нигдѣ скрыти.

Знаю, много неправды...

Знаю много грѣха вопіеть на небо —

надо грѣхъ очистить,
грѣхъ оттрудить.

И ты благослови меня въ послѣднюю минуту
ради чистоты земли моей родимой
принять кротко мою обреченную долю!

1915 г.

ДѢЛА ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ

Стоять и вопіють люди,
      видя паденіе могучаго города,
и сѣтуютъ горько,
      видя гибель его.

И напрасно озираются:
      не найдутъ ли его на иномъ мѣстѣ
      такимъ же цвѣтущимъ и крѣпкимъ.

Что вы плачете, что стенаете, люди неразумные?

Могучь былъ Вавилонъ, богаты и горды цари его —
      казалось, вѣку не будетъ его пышной жизни.

Сильнѣе всѣхъ была Ниневія —
      гдѣ Уръ халдейскій?
      гдѣ Шарпурла?

Знаютъ о нихъ летучіе пески пустыни да степные орлы.
Все, что руками человѣческими построено —
      руками же человѣческими и будетъ разрушено.

Таковы дѣла человѣческія:
      гибель и тлѣнь —
      удѣль ихъ.

Перестаньте плакать! Ничего! Не скорбите, не сѣтуйте!

Пока бьется сердце и горитъ въ васъ желаніе —
      живъ духъ въ душѣ

не престанетъ жизнь:

новый городъ вы постройте
и будетъ онъ краше и поваднѣе всѣхъ городовъ
новый городъ
окликанный!

1914 г.

СОКРОВИЩЕ АНГЕЛОВЪ

Есть въ Божьемъ мирѣ пресвѣтлый рай —
пречистое царство ангеловъ.

Весь озаренъ свѣтомъ Божиимъ стоитъ
градъ избранныхъ.

А стражъ его — великій ангель:
какъ свѣтъ, одежда свѣтлая
и распростерты бѣлыя крылья,
копье въ рукахъ.

Тамъ съ праведными сирины вкушаютъ золотыя яблоки
поютъ пѣсни пѣсневая,
утѣшая святыхъ угодниковъ.
Тамъ ни печали, ни воздыханія.
Тамъ жизнь безконечная.

Дологъ труденъ путь протягливый до рая пресвѣтлаго.

Много было великихъ подвижниковъ,
много спасалось смиренныхъ отшельниковъ
и благочестивыхъ пустынниковъ
много было званыхъ на пиръ въ пресвѣтлый рай —
и не увидѣли они свѣта Божія
неизбранные
не дошли они до рубежнаго камня,
гдѣ сторожить великій ангель:
какъ свѣтъ, одежда свѣтлая

и распростерты бѣлыя крылья,
копье въ рукахъ.

Кому же открыты врата райскія?

И кто избанный изъ позванныхъ?

— чистое сердце кипенное, творящее волю Божью —
отъ Бога избрано,

— сердце, въ тугѣ измаявшееся —
Отъ Бога избрано,

— сердце раненое —
отъ Бога избрано,

— сердце, открытое къ людской бѣдѣ и горестямъ —
отъ Бога избрано,

— сердце обрадованное, благословляющее —
отъ Бога избрано,

— сердце униженное —
отъ Бога избрано,

— сердце, отъ обиды изнывшее —
отъ Бога избрано,

— сердце, пламенное правды ради, —
отъ Бога избрано,

— сердце, измучившееся о неправдѣ нашей, —
отъ Бога избрано,

— сердце кроткое —
отъ Бога избрано,

— сердце, готовое принять и послѣдній грѣхъ ради
свѣта Божьяго, ради чистоты на трудной землѣ въ семь
жестокомъ свѣтѣ —

отъ Бога избрано,

— сердце великое Матери Свѣта, восхотѣвшей съ нами
мыкаться, съ нами горевать и мучиться, съ нами послѣд-
ними, съ нами обреченными —

вотъ сердце отъ Бога избранное,

вотъ кому открыты врата райскія.

ПРОКОПІЙ ПРАВЕДНИЙ

— Тучи-сестрицы, куда вы плывете?

Отвѣчали тучи:

— Мы плывемъ дружиной, милый братецъ: бѣлыя — на Бѣлое море, на святой Соловецъ-островъ, синія — на западъ, ко святой Софіи Премудрости Божіей.

На Сокольей горѣ на бугринѣ сидѣлъ Прокопій блаженный —

благословлялъ на тихую поплынь воздушныхъ сестеръ.

Унывали синія сумерки —

тамъ, за лѣсомъ ужъ осень катила золотымъ
кольцомъ по опутинамъ,

синія вечернія, разстиались онѣ, синія по приволью —
зеленымъ лугамъ.

Онъ пришелъ къ намъ въ дальній Гледень

отъ святой Софіи —

отъ старца Варлаама съ Хутины.

Былъ богатъ казною —

и за его казну шла ему слава;

раздѣлилъ богатство —

и была ему честь за его щедрость.

И стало ему стыдно передъ міромъ: вотъ слыветъ хорошимъ
и добрымъ и всѣ его хвалятъ! —

и развѣ не тяжко совѣстному сердцу ходить
среди грѣшнаго міра въ бѣлой и чистой славѣ?

И тогда взялъ онъ на себя великій подвигъ

Христа ради —

и принялъ, всю горечь міра.

Онъ, какъ свой, среди отверженныхъ, какъ братъ среди
пропащихъ —

И соблазнились о немъ люди.

Онъ пришелъ въ судовой дальній Гледень

отъ святой Софіи.

«Бродяга! Похабъ безумный!» — такъ его привѣчали.

Оборванный, злою стужей постучался онъ въ сторожку
къ нищимъ —

нищіе его прогнали.

Думаль согрѣться тепломъ собачьимъ, полѣзъ въ собачью
конурку —

съ воемъ выскочила шавка, только зря потре-
вожилъ! — убѣжала собака.

Окоченѣлый поплелся онъ на холодную паперть.

— Кто его, безпріютнаго, приметъ,
последняго человѣка?

— Честнѣйшая, не пожелавшая въ раю быть...

не Она ли, пречистая,
пожелавшая вольно мучиться съ грѣшными,
великая совѣсть міра

Матерь Свѣта?

И вотъ на простуженной паперти ровно тепломъ повѣяло —

И съ той поры домъ его —

папертный уголь въ домѣ

Пресвятой Богородицы,

Шла гроза на Русскую землю —

никто ее не ждалъ

и жили безопасно.

Онъ одинъ ее чужь, принявшій всю горечь міра:
съ плачемъ ходилъ онъ по городу,
перестать умоляль отъ худыхъ дѣль,
раскрыть сердце друга для.

Суета и забота — кому его слушать?
ой, били его и ругали.

И вотъ показалось:

раскаленные красные камни плыли
по черному небу —
и было, какъ ночью, въ пожаръ,
и былъ стукъ въ небесахъ,
даже словъ не слышать.

Ошалѣли отъ страха.

«Господи , помилуй! Спаси насъ!»

А онъ передъ образомъ Благовѣщенія бияся о камни,
кричалъ черезъ громъ:

не погубить просиль,
пощадить жизнь народу,
родной землѣ!

И гроза повернула —

каменная мимо прошла туча.
Тамъ разразилась,
тамъ раскололась,
за устюжскимъ лѣсомъ

и далеко засыпала камнемъ до Студенаго моря.

Онъ пришелъ въ суровый Гледень
отъ святой Софіи.

И кровомъ былъ ему домъ
Пресвятой Богородицы.

А когда насталь его послѣдній часъ,
шелъ онъ вечеромъ въ церковь
къ Михайлѣ-архангелу.

Поджидала его смерть на Михайловомъ мосту.

«Милый братецъ, ты прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ!».

и ударила его косою —
и онъ упалъ на мосту.
И вотъ тучи-сестры принесли ему бѣлый покровъ:
въ лѣтней ночи закуделила
крещенская метель —
высокій намело сугробъ.
И лежалъ онъ подъ сугробомъ.
серебряную ночь.

*

Въ синемъ сумракѣ тихо плыли синія и бѣлыя тучи
и, какъ тучи, плыли рѣки —
синяя Сухона
и бѣлая Двина.

Зацвѣтала рѣка цвѣтами —
последніе корабли уплывали:
одни въ Бѣлое море—на святой Соловецъ-островъ,
другіе ко святой Софіи въ Новгородъ Великій.

На Соколей горѣ на бугринѣ сидѣлъ Прокопій бла-
женный.

- Милый братецъ, помоли о насъ,
даруй тихое плаваніе!
- Милый братецъ, благослови русскій народъ
мудростью святой Софіи,
совѣстью Пречистой,
духомъ Михайлы-архангела!

1914 г.

УНКРАДА

Что стоишь не веселая —

бѣлая береза — сестра моя родимая?
или опечалила моя вѣсть недобрая,
или сердцемъ что зачуяла,
или вспоминаешь ты о чемъ?

Одну думу думаю и во снѣ мнѣ снится на чужбинѣ одинъ
сонъ, и какъ скажешь о твоємъ имени —

Россiя!

Русь моя!

моя родина привольная,
ширь и воля, вольность русская,
бѣлая береза — сестра моя родимая!

вся душа замучится, и растеть тоска, какъ тьма вечерняя
осеннею порой.

Вижу тебя, родина далекая —

Если бъ Богъ тебѣ послалъ на долю счастье! — много
по тебѣ прошло бѣды, труда и горя — если бъ Богъ тебя по-
миловалъ!

Вижу тебя, родина привольная —

— — — зимы тамъ долги и темны. Бѣлый снѣгъ. Какъ за-
вѣютъ сильные свирѣпыя сиверы, наложить зима желѣзныя
оковы на облаки и пойдеть съ гвоздемъ: оковываетъ воды и
землю, накладываетъ на рѣки и озера ледяные мосты, скрѣп-

ляеть гвоздемъ. Зацвѣтутъ тогда окна морозными цвѣтами, замететь путь перистымъ снѣгомъ, а по воздуху лють летить, нижесть на вѣтви скатный перебранный жемчугъ. А придетъ весна, уснетъ черный сѣверный вѣтеръ, приплыветъ съ юга бѣлый, потихоньку повѣетъ. Встанутъ звѣри изъ спячки, солнце опуститъ къ намъ на дворъ золотыя качели — день и ночь стоитъ, стелеть по лугамъ красный холстъ, сѣетъ золотомъ. А вдоль берега бѣлыми цвѣтами калина свѣтитъ темную поросль. Не замѣтишь — лѣто приспѣло. Ночи — въ терновомъ огнѣ. Звонкія пѣсни. И выются хороводы, какъ хмель. Такъ ночь до зари. Вотъ соберется гроза, разломить все небо и ударить проливнымъ дождемъ, а за пролоемъ радуга. И поютъ, шумятъ луга. Ходитъ медвѣдь. Колесомъ пошло солнце подъ гору, повилась паутина, летитъ надъ полями. Въ красномъ гарусѣ кудрявая рябина. Ледовая роса на зарѣ. Это — осень. Унывно, тихо, прозрачно. По небу плывутъ облаки-лебеди — — А лѣсъ у насъ какъ расшумится, и ужъ въ бую и въ шуму его ничего не слышно, только слышенъ человѣчій голосъ. Это я запою тебѣ пѣсню, моя родина привольная, о твоей шири и волѣ, о вольности русской —

Русь моя!

Россія родимая!

Что же ты стоишь не веселая —

бѣлая береза — сестра моя?

1915 г.

ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ

Виджу три свѣчи на родной землѣ.

Первая свѣча нескорая въ подземельѣ у лютаго чернаго пороха —

грозная: за святую Русь и Москву сожгла.

— Эй, подкопщики, зажигальщики, вашъ часъ насталь!

воску-яраго-свѣча затеплилася...

А вторая свѣча скорая въ чистомъ полѣ въ красномъ шатрѣ

передъ Спасомъ заступающимъ —

— Помилуй насъ!

Третья свѣча — страстной огонь — въ сердцѣ святой Руси передъ Софіей Премудростью,
милосердой, скорбѣющей за весь міръ.

За святую Русь помилуй насъ!

1914 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

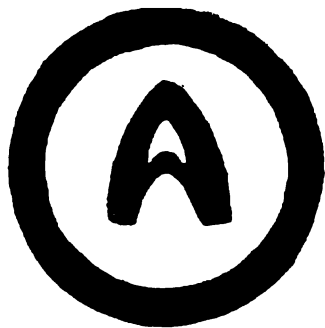

Теплая пламень	7
Никола Угодникъ	11
Николинъ завѣтъ	17
Николинъ даръ	20
Николина сумка	25
Николинъ огонь	31
Николинъ умолоть	34
Николина порука	36
Николино стремя	41
Николино письмо	44
Никола ночлежникъ	56
Никола вѣрный	61
Никола милостивый	73
Никола судя	80
Никола чудотворецъ	87
Свѣча воровская	104
Каленые червонцы	106
Ремезь-птица	109
Задача	111
Заря перегорѣлая	114
Глухая тропочка	116
Заяцъ съѣлъ	118
Сметана	123
Доля	126
За родину	128
Милостивый нашъ Никола	132

* * *

Градъ — камень Рериха	137
Городъ строить	141
Зловѣщее	143
Городъ обреченный	145
Дѣла человѣческія	148
Сокровище ангеловъ	150
Прокопій праведный	152
Ункрада	156
Покореніе Казани	158

АЛТАСЪ
НЬЮ-ІОРКЪ-ПАРИЖЪ
РИГА-ХАРВИНЪ

ВЫШЛА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ КНИГА (360 стр.) :

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ :

БЫЛИНА О МИКУЛЪ БУЯНОВИЧЪ

Романъ-трилогія :

I. Изъ Пѣсни Слово. — II. Сказка о кладахъ. — III. Царь Буяиъ.

Сто экземпляровъ книги «Былина о Микулъ Буяновичъ» напечатано на японской бумагѣ «Lafuma», причѣмъ первые тридцать экземпляровъ именные, а остальные отъ № перваго до № семидесятаго — нумерованные.

Обложка работы художника Е. Н. Ширяева.

Цѣна книги въ Европѣ 25 фр. Роскошные экземпляры всѣхъ распроданы.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ К-ВОМЪ «АЛАТАСЪ»:

НИКОЛАЙ РЕРИХЪ:

- 1) ЛАМПАДА ПУТНИКА.
- 2) ПУТИ БЛАГОСЛОВЕНІЯ.

ЮРІЙ РЕРИХЪ:

БУДІЙСКІЯ ЛЕГЕНДЫ

Изъ цикла «Легенды Духа».

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ:

ВАСИЛІЙ ЧУРАЕВЪ

Эпопея въ 12 частяхъ:

- I Спускъ въ долину.
- II Велѣнія земли.
- III Трубный гласъ.
- IV Сто племенъ съ единымъ.
- V Ощетиленная Русь.
- VI Океанъ багряный.
- VII Лобзаніе змія.
- VIII Пляска во пламени.
- IX Въ рабствѣ у раба послѣдняго.
- X Судъ Божій.
- XI Идите львами!..
- XII Построеніе Храма.

Склады изданій Книгоиздательства «АЛАТАСЪ»:

Въ Парижѣ : 9bis, Rue Vineuse, Книжн. магазинъ «Родникъ».

Въ Нью-Йоркѣ : 310 Riverside Drive N. Y. The Edition «Alatass».

LA VIE DES PEUPLES

Revue synthétique de la pensée et de l'activité françaises et étrangères

Directeur : **A. DE LAPRADELLE**

Paraît le 10 de chaque mois

LA VIE DES PEUPLES compte parmi ses collaborateurs :

M. Anezaki (Japon), **Hermann Bahr** (Autriche), **E. Benès** (Tchécoslovaquie), **James Beck** (États-Unis), **L. Cazamian** (France), **Yves Chataigneau** (France), **Georges Chklaver** (Russie), **Charly Clerc** (Suisse), **A. Gauvain** (France), **Georges Grebenstchikov** (Sibérie), **Yrjo Hirn** (Suède), **A. Kouprine** (Russie), **Georges Lafond** (France), **Henri Lichtenberger** (France), **Marino Moretti** (Italie), **A. Peixoto** (Brésil), **Eça de Queiroz** (Portugal), **A. Rémizov** (Russie), **Nicolas Rœrich** (Russie), **Georges Rœrich** (Russie), **Christian Sénéchal** (France), **M. de Vaux Phalipau** (France), **Manuel Ugarte** (Argentine), **Woroniecky** (Pologne), **W. Sieroszewsky** (Pologne), **R. Wilton** (Angleterre) etc.

Prix du Numéro : France 6 francs ; Étranger 7 fr. 50

ABONNEMENTS :

FRANCE

Un an ..... **50 fr.**
Six mois ..... **30 fr.**
Trois mois .... **18 fr.**

ÉTRANGER

Un an ..... **70 fr.**
Six mois ..... **40 fr.**
Trois mois .... **25 fr.**